

«Фигня,
отмыв денег,
воровство»

Чем кончится культурная
революция стр. 16

Это наши летят самолеты

К Путину я бы сейчас вряд ли прорвалась, но я бы и с ним без комплексов поговорила. Путин летает на наших движках, дорогой мой! Я бы ему сказала: знаешь что? Давай уберем двигатели спецназначения. Единственный президент в Израиле летает на самолетах общего пользования. Летай на всех самолетах, какой поставят – на том и лети. Ты не избранный, ты такой же гражданин, как и мы. Хотя что Путин, что Медведев, нормальные они чуваки. Главное, что не пьют, не курят стр.36

РЕГИСТРАЦИЯ

Land Cruiser Prado. Превосходство очевидно.

Тойота Центр Пермь
г. Пермь, ул. Г. Хасана, 79, (342) 268 98 88
www.toyota59.ru

Land Cruiser Prado — воплощенная мощь.
Он не отступит ни перед чем.
Его возможности поражают воображение.
Великолепная проходимость
и выносливость — лишь малая часть
его преимуществ.
Бездорожье дрогнет перед ним
и покорится ему навсегда.
При виде Land Cruiser Prado легко поверить:
мир создан для него.

Зачем что-то доказывать?
Достаточно сесть за руль.

Узнайте специальные условия на приобретение
Land Cruiser Prado у менеджеров автосалона.

Toyota
Управляй
Мечтой

Журнал Соль. №2. Октябрь-ноябрь 2010-го. Содержание

Колонка редактора

Иван Колпаков 4

Путеводитель

Иван Давыдов ищет приключений в пермских ресторанах 6

«Есть Пермь»
на стр. 6

Повестка

Культурная революция: любовь и ненависть, интервью с Новичковым и Агишевым 16
Письма: колонки Василия Лебедева, Бориса Куприянова, Всеволода Емелина и Ивана Давыдова 28
Другие голоса: пролетариат 36

Превью

Альтернативный музей древностей 48
Культурный альянс. Пермь — Санкт-Петербург 58
Пятилетие Пермского края 60

«Альтернативная
история»
на стр. 48

Стихи

Андрей Родионов 62
Рабочие «Пермского моторного завода» 66

Пермь

Стритлук: модные аборигены 70

Проекты

Открытый университет: арт-критик Андрей Ковалев 76
На Каме, вперед!: антология уральской кухни 80

«Модные люди»
на стр. 70

Профпригодность

Евгений Киселев 84

Публикации

«Транс, транс, транс»: фотопроjekt Ольги Сорокиной 88
«Карабас-Барабас действует»: новый рассказ Андрея Левкина 100

Предпочитаю в одежде удобство, стиль
и креативные решения в элегантном виде.
Одежда должна отображать
именно меня,
а не кого-то другого.

В мое сердце навсегда попали ценности,
которым научили меня мои родители:
честность, доброта, труд,
сотрудничество, умение искренне радоваться
не только своим, но и успехам других людей.

Thomas Werner
(галерист, лектор и куратор выставок,
New York)

Мало кто попадает в сердце, не правда ли?

dress code
concept store

Одежда для посвященных.

Yves Saint Laurent, Paul Smith, John Varvatos, Dries Van Noten, Kris Van Assche

Concept store «Dress Code».

Пермь, ул. Ленина, 65, тел.: 246 55 88 www.dresscodeperm.ru

Главный редактор: Иван Колпаков

Суверенная демократия и скотство

Вообще-то у нас праздник. Издательскому дому «Соль» исполнилось на днях полгода. То есть не издательскому, конечно, дому, а конкретно — интернет-газете «Соль» (не поленитесь пройти по ссылке: <http://saltt.ru>), с которой все и началось. Я имею в виду то безобразие, которое, например, вы сейчас держите в руках. Для нас это довольно важная дата — все-таки было не очевидно, что нам удастся отметить какой-нибудь, пусть даже скромный, юбилей. И, может быть, это важная дата не только для нас, но и для вас — вот не побоюсь громких слов.

Есть не очень хорошие новости. Для нас и для вас.

Выяснилось, и довольно быстро, что в нашем дружном коллективе тоже имеются проблемы. Профессиональная подготовка штатных сотрудников. Дисциплина внештатных. Поиск и — цеховое клише — «отработка» тем. Болезненные «прососы». Проблемы с чувством юмора. С русским языком. С невыносимой пошлостью. С ростом аудиторрии. С запуском новых проектов. С доходами, наконец.

Наши летучки так же бестолковы, как летучки во всех остальных газетах страны — московских и прочих. Наши сотрудники время от времени выпивают на работе, но чаще портят стены офиса дурацкими демотиваторами. У главного редактора случаются приступы тупости, у директора по развитию — лени. И наоборот. У генерального директора бы-

«Журнал Соль» в 2010-м — как певец Цой в 1989-м: перемен требуют их сердца

вают критически дни. И это не метафора.

У нас плохо с дисциплиной. Процветает мелкое бытовое скотство. В отделе новостей пахнет так, будто умер ежик — или даже слон. Папка «Тексты» на сервере загажена до последней степени, а папка «Резерв текстов» пуста. В заварочном чайнике коллектив почему-то копил деньги «на strapon». Кроме шуток.

Всем этим мы, увы, не отличаемся от наших коллег из других изданий.

Есть, однако, и хорошие новости.

Первая такая: эксперимент продолжается — значит, эксперимент удался (без лишних оговорок). «Соль» — это ведь как программа «Чудаки» на MTV: мы действительно отморозки — с профессиональной точ-

ки зрения. Имейте, кстати, это в виду. Мы исследуем границы журналистики, ее сумеречные зоны. Лучше сделать, чем не сделать — попытка не пытка. Иногда результат удручающий, реже — превосходный. Отсутствие понятной сетки вещания, не всегда «товарный» вид — все это происходит более или менее намеренно. Потому что «Соль» — скорее лаборатория, нежели конвейер.

Вторая новость: мы, как выяснилось, по-настоящему суверенны. По крайней мере, пока. И в достаточной (а по меркам некоторых — в избыточной) степени. Мы не «из московских», и, что характерно, не «из пермских». И не конкистадоры, и не индейцы. Это, как вы понимаете, идеальная ситуация для газеты.

Теперь мораль: надеюсь, мы еще поможем вам глаза. Обнимаю. ■

Читать в первую очередь:

Альтернативная история.

«Когда я возил выставку на гастроли в Сыктывкарский университет, она поместилась в коробке из-под водки, а стоила два миллиона долларов». Стр. 48

Журнал Соль

Главный редактор: Иван Колпаков
Арт-директор: Евгения Мрачковская

Директор по развитию: Иван Давыдов
Шеф-редактор: Андрей Громов
Заместители главного редактора: Владислав Горин, Любовь Мухоменова

Журналисты: Полина Домовитова, Сергей Данилов, Иван Козлов, Екатерина Князева, Дмитрий Меркушев, Наталья Овчинникова, Евгения Пастухова, Ирина Постникова

Корректор: Ирина Архипенкова

Генеральный директор: Алена Данилкина

Коммерческий директор: Юлия Серая

Руководитель отдела продаж: Александра Лагунова

Специалисты по работе с рекламодателями: Светлана Гладкова, Анна Лужбина

Технический директор: Сергей Яборов

Учредитель и издатель ООО «Соль»

Почтовый адрес редакции: 614068, Пермь, ул. Даншина, 5. Офис 2.
Адрес редакции и дирекции: 614068, Пермь, ул. Якуба Коласа, 11.

Телефоны: + 7 (342) 237-02-00, 237-14-00, 237-00-02, 237-00-76.
E-mail: info@saltt.ru

Все тексты номера на <http://saltt.ru>

В «Журнале Соль» используется шрифт Permian, разработанный Ильей Рудерманом по заказу Пермского центра развития дизайна.

© Журнал Соль.

Все права защищены. Воспроизведение текстов или их фрагментов, фотографий и иллюстраций невозможно без письменного разрешения редакции и без ссылки на «Журнал Соль». Воспроизведение текстов, опубликованных на сайте <http://saltt.ru>, допускается с условием активной гиперссылки на сайт. Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редакции. Материалы, присланные в редакцию, не рецензируются, не возвращаются, но могут быть опубликованы — без уведомления автора. Редакция не несет ответственности за содержание материалов, опубликованных на правах рекламы.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ТУ 59 — 0414 от 13 августа 2010 г. выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Пермскому краю.

Номер подписан в печать 28 октября 2010 года. Отпечатано в ООО «Типография Астер»: 614041, Пермь, ул. Усольская, 15.
Телефон / факс: +7 (342) 249-54-01. Тираж 10000 экз. Заказ № 29637.

Хочется
по-настоящему
острого?

Действительно
острые ножи
и профессиональная
заточка

Гостинный двор, 2 этаж, Комсомольский, 54
Сити-Центр, 1 этаж, Большевистская, 109 А
Карнавал, 1 этаж, Уинская, 8 А

Открытие в ТЦ Горный Хрусталь
на Уральской, 85 в конце ноября

www.permknife.ru

Текст: Иван Давыдов
Фотографии: Евгений Гильманов, Алексей Печенька, Ольга Сорокина,
Екатерина Федорова, Safe Porta

Есть Пермь

По просьбе «Журнала Соль» Иван Давыдов посвятил себя обжорству. В итоге получилось подробное исследование пермского общепита: от шашлычных и пельменных – до «Ле Марша» и «Порты».

Общие соображения.

Русские традиции вообще отличаются от московских, и часто – в лучшую сторону. Возьмем, к примеру, общепит.

Считается, что в Москве люди все время куда-то спешат. Возможно, это правда. Во всяком случае, подлые делцы от общепита этим активно пользуются. Как устроено в Москве среднестатистическое место для среднего класса? В грязном помещении (если оно не грязное, то скоро таким станет, потому что мыть его всерьез никто не будет из принципа) ставятся несколько столов, желательно, – неустойчивых и неудобных, и начинают продавать дешевую водку. Параллельно распространяется слух, что в меню нового заведения – удивительные тайские блюда. Или винный погреб, достойный восхищения. Или сорок сортов английского пива. И, разумеется, самая модная тусовка в городе. Это не важно. Вечно спешащий москвич не будет проверять. Он просидит в страшной спешке часа четыре, накачается дешевой водкой до скотского состояния, и, в лучшем случае, закажет незамысловатой какой-нибудь закуски.

Потому что он – человек опытный. Он знает, что все удивительные тайские блюда все равно закончились. Омаров не завезли. Сверчки не уварились. Вино скисло. И так далее. А самая модная тусовка в городе – это он и есть.

Все остальное – либо дорого и малосъедобно, либо вкусно, но очень дорого. В места, где вкусно, но очень дорого, москвич приходит, только если надо произвести впечатление на понаехавших. Гостей, то есть, столицы. Москвич смотрит на то, как они читают меню, наслаждается стонами, а себе заказывает предусмотрительно воды без газа. И, к небу подняв глаза, цедит сквозь зубы: да, дорого. Да, так вот и живем. А вы думали, у нас здесь что, рай?

названия в меню (возможно, с юмором, куда деваться). Сервис, в конце концов.

Рестораторам – даже если их заведения ориентированы на вовсе бедную публику – приходится, соответственно, стараться. Бедная публика в рестораны заходит реже и по части праздника потребовательней даже будет, чем, кстати, богатая.

С учетом всего вышесказанного, москвич, преодолевший природный страх и выехавший-таки в Россию, попадает

Пластмассовый стол, пластмассовая еда

В России все по-другому. В отличие от москвича, житель России в ресторан идет медленно, как на праздник (даже если речь – о бизнес-ланче в заведении средней паршивости). Он платит честно заработанные деньги и хочет, чтобы праздник вокруг него действительно присутствовал. Дизайн. Необычное оформление. Всякие красоты. Замысловатые

в кулинарный рай. Ну, то есть, как рай. Чистилище, конечно. Получается-то ведь с едой у россиян по-разному, чаще – плохо. Но они стараются. И окружают старанием гостя. А за старание многое можно простить.

Ну и дешево. Пермь – не исключение. Не бойтесь Перми, просвещенные гости. Ешьте. >>

Этот мудрый человек повидал немало рукопашных

Экзотика. Однажды, когда сам я в мире пермского общепита был еще новичком, мой добрый друг, абориген, производивший впечатление человека, искушенного в разнообразных усадках, спросил: – Хочешь попробовать лучший шашлык в городе? Кто ж не хочет!

Мы отправились на набережную Камы, вошли в сарай, сколоченный из шифера, железных листов и каких-то досок. В американском кино в таких зданиях живут обычно мизантропические людоеды. В Перми – делают шашлыки.

На входе в заведение «Золотая рыбка» – две буфетные стойки и плакат: «Туалет только для посетителей кафе». На

одной стойке заказываешь еду и безалкогольные напитки, на другой – спиртное. Традиционная московская разводка, практикуемая шашлычниками на ВДНХ – когда цену указывают за сто граммов шашлыка, приносят кусок неопределенной формы, веса и вкуса, а в счет вписывают полтора кило – отсутствует. Заказал сто граммов – так сто и продадут. При тебе же взвесит на весах, произведенных еще в СССР.

Шашлык в одноразовых тарелках – сносный. Хотя и не лучший в городе. Цены – средние. По пермским, конечно, меркам. Публика разнообразная. Но теперь я и сам обязательно привожу туда гостей города. Но только летом.

«Золотая рыбка» и еще несколько аналогичных заведений находятся на маленьком пятачке, рядом с Речным вокзалом. Летом там – народные гуляния. Одеты в трусы мужчины, то есть, непременно пьяные, бродят среди гор пустых бутылок и бьют друг друга, милиционеров и прохожих. Весело и страшно. Зрители, успевшие занять места на летней веранде, подбадривают бойцов криками.

В общем, на это стоит посмотреть.

А еще, говорят, когда у Речного вокзала – там ведь храм культуры, музей современного искусства – начали монтировать знаменитую «Ротонду Бродского», к директору музея,

М. А. Гельману, пришел хозяин «Золотой рыбки». И со всей армянской дипломатичностью повел речь о том, что до него дошли слухи, будто уважаемый директор музея строит шашлычную, а ведь она из дерева, и уважаемому директору музея следовало бы понимать, что сгореть такая шашлычная может за одну ночь, и строить ее, наверное, не надо.

«Ротонду», впрочем, хоть шашлык в ней и не жарили, спалить все равно пару раз попытались. И с туалетом также неоднократно путали. Пришлось даже в Лувр произведение искусства увезти от греха подальше.

А шашлык. Ну, что шашлык. Вполне съедобный шашлык. >>

RISTORANTE
porta
CUCINA ITALIANA

*Новый год
по-итальянски*

Новогодние банкеты для маленьких и больших компаний (до 100 человек)
Ресторан выездного обслуживания. Фуршеты.
Новогодняя ночь

Комсомольский проспект, 20 | Тел./tel: 217-11-07 | www.portacafe.ru | 20 Komsomolsky prosp.

Местный колорит.

Как-то довелось мне читать красиво изданный сборник фельетонов из пермских газет начала XX века, «Прогулки по старой Перми» он, кажется, назывался. И там была статья о пермской опере, потому что куда же без оперы. Сравнилась, что ли, пермская опера

мадных тарелках, с разнообразными, хоть и незамысловатыми соусами (горчичный соус, к примеру, это просто горчица, разбавленная водой), и в качестве комплимента приносят бесплатную рюмку водки.

Помнится, ужинали мы там однажды с друзьями, среди

Отдельный бонус «Пельменной номер два» — музыка. Из динамиков звучат напевы девчонистых, антикварная русская попса. Очень это все гармонично как-то.

Рассуждая о пермских пельменях, нельзя не упомянуть (в голове пронеслись фамилии многих чиновников, которым

мени черного цвета. Но это, наверное, что-то такое страшное. Обязательное для причастных к управлению государством. Процедура типа черной мессы или кремлевского теста на лояльность, в ходе которого, поговаривают, губернаторов заставляют есть червячков в салате и следят за реакцией. Челове-

Пельменная церемония — высокое искусство, а мастеров с каждым годом все меньше.

с венской. Скромно. Начинаясь статья словами «Столица пельменей шлет привет столице музыки».

То есть — напрашивается вывод — к пельменям в Перми должно быть какое-то особенное, трепетное отношение.

Как ни странно, это не так. Пельмени в большинстве заведений малосъедобны, хоть и есть практически везде. Но по-настоящему вкусны они только в заведении с нехитрым названием «Пельменная номер два».

Сортов пельменей там — не перечесть, их подают на гро-

которых был В. О. Емелин, великий поэт. Все заказали пельмени, естественно, всем принесли бесплатной водки. И тут выяснилось, что водки, кроме В. О., никто не пьет. Очень великий поэт поразился.

Есть еще «Пельменная номер три», которая от «Пельменной номер два» отличается только местоположением. Вероятно, должна быть и «Номер один», но я ее никогда не видел. Но должна быть все-таки, если рассуждать логически. Хотя Пермь — не то место, конечно, где логические рассуждения чего-то стоят.

данное определение очень бы подошло, но не о них речь) ресторан «Живаго». В «Живаго» подают пельмени со сложной рыбной начинкой. Тесто — зеленое. По местным поверьям, человек, однажды съевший зеленый пельмень, уже не сможет вырваться из Перми и будет вечно в нее возвращаться. Поэтому зелеными пельменями коварные пермяки непременно потчуют ценных специалистов, прибывающих из столиц.

Однажды довелось мне видеть там высокопоставленного пермяка, пожиравшего пель-

ку простому подобных опытов лучше не повторять.

И чтобы с местным колоритом завершить, пару слов о посикунчиках. Это маленькие, ничем не примечательные чебуреки, которые есть буквально везде. Их надо обязательно попробовать и похвалить, иначе пермяки обидятся. Надо также выслушать обязательный рассказ об этимологии слова «посикунчик», который здесь повторен не будет. Во-первых, вам и без меня об этом с неизбежностью поведают, а во-вторых, очень уж неаппетитная там этимология.

Уральская 85, 2 этаж
отдел рекламы:
reklama@moloko-club.ru
тел. 2 115 888

MOLOKO
CLUB

СКОРО
ОТКРЫТИЕ

www.moloko-club.ru

Высокая кухня. Естественно, в Перми есть дорогие рестораны для изысканной публики. Самый известный, пожалуй, — «Ле Марш». Он находится под крышей торгово-офисного центра очень странного, практически лужковского вида.

Туда, поговаривают, ездят из далеких Березников, знаменитых дырой в земле, топ-менеджеры компании «Уралкалий». Запивают дорогим вином устрицы (ха-ха, легендарные камские устрицы), поглощают перепелиные яйца, фаршированные крабовым мясом, радуются возможности хоть как-то потратить шальные соленные деньги.

Зрелище, конечно, на любителя, и, кстати, там на самом деле дорого. Не по-пермски, то есть, а всерьез.

Но по-настоящему модные пермяки пойдут не в «Ле Марш». Они пойдут в «Порту». «Порта» — что-то вроде аквариума, где за большими окнами сидят и потребляют преимущественно почему-то чай люди, у которых все получилось.

Насколько можно судить со стороны, ходят они туда в основном, чтобы показать другим, что могут туда пойти. Редкие прохожие — «Порта» на Компросе, главной улице города, — пьют на посетителей как на диких рыб. Важно, следовательно, место занять у окна, иначе эффект не тот.

В «Порте» проходят выставки современных пермских художников. Культурная столица Европы потому что вокруг, и никак нельзя без этого обойтись.

Кухня в «Порте» итальянская, шеф-повар — местная знаменитость. Меню не особо обширное, зато названия и ингредиенты блюд впечатляют. Правда, ужинал я там как-то раз в компании весьма искушенной москвички. Дама моя, поковырявшись в макаронах, сказала с состраданием: «Да. Ведь они очень старались».

«Порта» не располагает к поножовщине.

Старались сделать итальянскую еду. Но я думаю — это все снобизм. Довольно-таки вкусно в «Порте».

И вот еще что важно. Я человек простой, вкусы мои примитивны, если я в чем-то и разбираюсь, так это в стейках. И хочу сказать: никогда не заказывайте стейк в Перми. В Перми почему-то принято

ся, ресторан «Другое место», где можно нарваться на живую музыку, кафе S36 рядом с «Другим местом», отличное от последнего только дизайном: здоровый минимализм в противовес провинциальному закуску под старину, и заведение «Таверна Монтенегро». Есть в них можно, хотя необязательно.

дет гигантская баранья нога, а не жалкий кусочек мяса. Оценивайте возможности желудка здраво.

На стене имеется завешенный каким-то половичком телевизор. Включают его только ради футбола. Один раз мне довелось наблюдать как болельщики «Милана» едва не подрались в «Златиборе» с болельщиками «Интера». И те и другие были, как ни странно, итальянцами.

А еще однажды добрые хозяева, несмотря на то что ресторан уже закрывался, дали нам с приятелем досмотреть матч сборной России со словаками, демонстрируя искреннюю любовь к посетителям. Лучше бы, впрочем, не давали бы.

Много печали. Рано или поздно любому человеку начинает хотеться выпить. А уж в Перми это, по ряду понятных причин, почти неизбежно. И вот тут нас ждет засада. Ибо если помянутое желание наступит вас поздно вечером в будни (тоже ведь вполне естественно), то податься в Перми практически некуда.

Есть, правда, кафе «Хочу». Оно работает ежедневно и круглосуточно. Несмотря на название и сияющую вывеску, кафе «Хочу», к тому же, не является борделем. Внутри — много столиков и мало посетителей. И если вам было тоскливо, — а вам ведь было тоскливо, иначе с чего бы этот порыв напиться в будни, — то станет еще тоскливей. Но налью. Барснотный, еда продается, но есть ее почему-то не хочется.

Временами в «Хочу» забредают пермские прожигатели жизни, которым тоже некуда себя деть. Разряженные девы, крепкие пацанчики. Они пьют пиво и громко хохочут, потом уходят. На стенах висят плазменные панели в богатых рамках — натурально, багет, резьба. Там вечный футбол.

Однажды, когда мы с друзьями сидели в «Хочу», туда вбежала девушка в невероятно короткой юбке и закричала:

— Вызывайте милицию, срочно! Прокурора ебнули!

Ночью в будни вариантов нет

вместо стейка готовить пародию на стейк, скорее трагичную, чем смешную. Единственное исключение — «Порта». В «Порте» стейк — это действительно стейк.

Чуть наискось от «Порты», на другой стороне Компроса, — ресторан «Индокитай». О характере кухни нетрудно догадаться из названия. Паровые пельмени — ну а куда без пельменей, смотрите выше, — хороши.

Имеются также ресторан «Живаго», уже упоминавший-

Обязательно же побывать следует в «Златиборе». Я не знаю, что делают в Перми настоящие сербы. Может, их там силой удерживают, неважно. Важно, что настоящие сербы держат отличный сербский ресторан. Вешалица, плескавица, прочие балканские изыски — все громадное и необыкновенно вкусное. Не заказывайте больше одного блюда — не съесть. И помните: если в меню, например, написано «Баранья нога», — так это бу-

Так выглядит посикунчик, попавший под тлетворное влияние Запада

Мы пошли на улицу смотреть — интересно же. Там, среди дорогих иномарок бродил прилично одетый юнец с разбитым лицом. Очевидно, ебнутый прокурор. Он — демонстрируя, прямо скажем, слишком бедный для юриста словарный запас, — кричал что-то вслед удаляющимся подросткам. В общем, если жизнь в «Хочу» и не кипит, то пульс хотя бы дергается.

Другой вариант — караоке на «Звезде». На улице Газеты «Звезда», то есть. Наливают, но есть понятный минус — поют. Иногда даже пляшут. Когда день бесплатный и не надо платить за вход. Впрочем, петь необязательно, а смотреть вокруг — даже поучительно. Бар дрянной, но пара сортов виски имеется.

В караоке этом как-то подсел за наш столик человек лет пятидесяти, до того отчаянно и немзыкально исполнявший песни из советских кинохитов. — Вот, праздник у меня, — говорит.

— Что празднуете?
— Первый раз меня сюда пустили за полгода.

Это удивляет: фейсконтроль там имеется, однако не зверствует.

— Как так?
— Да понимаете, захожу я, значит, сюда, а там внизу, ну, знаете, Никита Белых с бабами сидит. Подошел я — и в рыло ему, в рыло!

Не любят пермяки прославленных сограждан почему-то.

Есть еще вариант пить в стрип-клубах, но это все-таки отдельный жанр.

Фастфуд. Привычного фастфуда в Перми нет. «Крошки-картошки» нет. «Макдоналдса» нет. Даже «Шоколадниц» с «Кофе хаузами», хотя они и не фаст, и не фуд, но вспомнились отчего-то, тоже нет. Есть свой, посконный. «Виват-буфет», «Чикен», «Пельмешки без спешки».

Заведение «Пельмешки без спешки» интересно, например, тем, что там все из пельменей. Пельмени варят, жарят, запекают, добавляют в омлет и компот.

В «Чикен», который на Компросе, в самом начале, можно зайти утром в субботу, после бурной пятничной ночи, чтобы полюбоваться на похмельные белые хари таких же случайных скитальцев. Но тут здоровье нужно.

В «Виват-буфет» заходить вообще незачем.

И главное — есть там, разумеется, нельзя. Ни в одном, то есть, из перечисленных заведений.

Но в целом из сказанного должно быть ясно — в Перми с голоду не умрешь. А ведь перечислены далеко не все едашни славного уральского города. Не бойтесь Перми.

Пермь есть. Пермь ждет вас. Не бойтесь есть Пермь. ☐

Пистики, посикунчики и шанежки

Материал об особенностях уральской кухни читайте на 81-й странице.

«Майонез — это преступление»

Год назад в Перми открылся ресторан сербской кухни «Златибор». Кухню возглавил известный шеф-повар Саша Младенович. А там, где Саша — всегда только натуральные продукты, традиционные способы приготовления и яркая подача. Саша — замечательный собеседник, очень радушный и спокойный человек, который с удовольствием рассказывает о кулинарном искусстве, своих творческих планах и о любви к профессии.

— Саша, ваши блюда с удовольствием ели на американском континенте и в Европе. Теперь вы открыли для себя и Пермь. Странный выбор. Вы так не считаете?
— Ничуть. С одной стороны, естественно, я приехал сюда за деньгами. Но надо понимать: если ты настоящий шеф-повар, ты просто не можешь оставаться долго на одном месте. Те, кто с амбициями, работают три-четыре года в одной кухне и едут на другой конец земли. Так и я: теперь — в Перми.

— Легко ли работать в русских реалиях?

— Приходится подстраиваться. Например, вы не очень любите острые и жирные блюда, хотя в Сербии так едят. После года работы здесь могу сказать: слова о том, что сербы и русские — это «братья-славяне», — не просто красивая фраза. И сербская кухня здесь очень и очень востребована. Как, впрочем, и везде. Ведь что, в сущности, предлагает сербская кухня? Блюда, приготовленные из натуральных экологически чистых продуктов по древним традиционным рецептам. Сербская пища — самая здоровая.

— Использование высококачественных экологически чистых продуктов — один из принципов в вашей работе. В Перми это местные или привозные продукты?

— Скажем, 50 на 50. Похвалить можно местное мороженое, курицу... Когда у вас началась акция «Покупай

пермское» — мы попробовали на 100 процентов использовать местные продукты.

— И как?

— И никак. Приходится использовать привозное. Да, дорого, да, далеко, но другого выхода нет. Если стану готовить из таких продуктов — я буду не я. Продукты поступают из Москвы, Екатеринбург, с Кавказа и, конечно, со Златибора. Вся Европа знает

— А соль-то используете?

— Постоянно. Соль — основная

приправа для каждого блюда. Хотя кто-то скажет, что соль — это вредно. Но без нее у блюда не будет вкуса. Соль полезна в меру. И что интересно: за этот год работы в Перми я понял, что вы очень любите соления, приготовленные по-сербски.

— Какие у вас увлечения?

— У меня такая профессия, которой не нужны дополнительные увлечения. Я увлечен своей работой — это для меня любимое хобби. Но в принципе меня еще очень увлекает карвинг, художественная резка из овощей, фруктов.

— Блюдо от шеф-повара Саши Младеновича. Какое оно?

— Я считаю, что правильно говорить «блюдо, рекомендованное шеф-поваром», если ты его лично не придумал, надо быть честным. По просьбе Сербской православной церкви к одной кампании я придумал постный паштет: без мяса, но из натуральных продуктов — на основе грибов и белого жира. Тогда мало кто мог представить, что этот паштет будет пользоваться такой популярностью. Его можно купить в магазинах Европы, Америки, Азии, можно обнаружить его и в Москве. Поэтому только в отношении паштета, который я придумал лично, могу сказать, что это «блюдо от шеф-повара Саши Младеновича». Остальное — нет. Если только не придумаю новое блюдо.

Пермь, ул. Кирова, 200
Телефон: 233-19-33
zlatibor.perm.ru

Вопросы: Андрей Громов
Фотографии: Евгений Трушков

Мы не научились объяснять

Заместитель главы администрации губернатора Пермского края Николай Новичков критикует вкусовщину, вступает за «Нашу Рашу» и, вопреки заголовку, пытается объяснить, когда и чем закончится «пермская культурная революция».

С заместителем руководителя администрации губернатора Пермского края Николаем Новичковым мы встретились утром в тихом московском баре на Мясницкой. За завтраком. Завтраки, кстати, очень недорогие: яичница с беконом и кофе всего 130 рублей. В Перми такой завтрак стоил бы, конечно, не больше 100 рублей. Но по московским меркам 130 — это дешево. Так вот, за завтраком в московском баре мы вели нашу дискуссию о пермской культурной революции — и это был, пожалуй, тоже своего рода аргумент. Ну, может, не аргумент, но что-то символическое в этом было. Где же, как не в Москве.

— И что — вам нравится, что получилось?

— Пока рано говорить на самом деле, есть только промежуточные результаты. Как говорили классики, революция продолжается. Но в принципе нравится.

— Она продолжается стихийно или есть какие-то четкие планы?

— Когда все начиналось два года назад, конечно, никакого плана не было. Проще спросить у [директора Музея современного искусства PERMM] Марата Гельмана, когда у них был первый разговор с [сенатором от Пермского края] Сер-

геем Гордеевым. Там главная интенция была: вот Пермь, давайте чего-нибудь сделаем!

— А сейчас?

— А сейчас ситуация изменилась, запустились процессы, в том числе — и те, что от нас

Но публика есть, и то, что идет рост посещаемости, — это очевидно. Публика — это необходимое условие современного города. Так уж сложилось, что в дореволюционной России не было городов, один Петербург. Москва — это все равно слободка.

В дореволюционной России не было городов, один Петербург. Москва — это все равно слободка. После революции города стали появляться, но городское пространство полноценно получилось только в считанных местах.

не зависят, и теперь уже можно что-то отслеживать, рассчитывать. Вот буквально на днях закончился фестиваль «Текстура», фестиваль театра и кино о современности. И вот уже можно твердо говорить, что в Перми появилась публика.

— Публика? На большинстве мероприятий, которые я посетил, народу было не сказать что очень много. А вы отслеживаете посещаемость мероприятий, ходят ли туда люди, сколько?

— Я цифрами не владею, статистику такую ведет минкульт.

После революции города стали появляться, но это были тоже не совсем полноценные города. Городская культура, городское пространство полноценно получилось только в считанных местах. А чтобы такое пространство получилось, важна публика — совокупность людей, которые интересуются культурной жизнью, ходят на мероприятия.

— Вот прошло почти два года культурной революции. Можно ли сказать сейчас, что лучше получилось, что произвело больший эффект? Что было

больше востребовано, что меньше?

— Не готов сейчас это оценить. У нас сейчас задача — обеспечить вал. Чтобы всего было много. Но при этом, конечно, нельзя снижать качество. События должны быть интересными, современными, насыщенными, креативными. Это — что называется — контроль на входе. А контроль на выходе — что из этого получилось, как публика оценивает. Про публику я пока не готов сказать. Сказать, что точно получилось, а что стало полным провалом, — пока не готов. Надо, чтобы прошло время.

— Контроль на входе — как он работает? Были ли какие-то мероприятия, идеи, концепции — или что там еще, — которые контроль на входе забраковал?

— Мы как власть ничего не бракуем. Это не наше дело. У [министра культуры Пермского края] Бориса [Мильграма] там есть эксперты, пусть они и оценивают.

Николай Новичков, борец за «культурную революцию», позирует на фоне «красных человечков», которых депутаты местного Заксобрания возненавидели даже сильнее, чем дизайнера Артемия Лебедева

— То есть ни [губернатор Пермского края Олег] Чиркунов, ни вы не вмешиваетесь совсем? Если, например, что-то не нравится Чиркунову, это как-то влияет, может повлиять?

— Ну мало ли кому что не нравится. Вот, говорят, у Лужкова дурной вкус. Может, дурной, а может, — нет, беда не в этом. Беда в том, что он свой вкус навязывал, определял, что должны петь в Москве, что строить, как праздновать. И именно это стало настоящей бедой, а не его плохой вкус.

— А было ли что-то конкретное, что не нравилось тому же Чиркунову?

— Конечно. Вот буквально на «Текстуре» он ходил на спектакль по книге Сорокина «Лед», и он ему совсем не понравился. И что? Не понравился — и не понравился. Мне вот не понравился документальный фильм «Мать», который открывал фестиваль «Текстура», а люди аплодировали, кричали «браво!». А вот фильм «Наша Раша. Яйца судьбы» мне нравится очень. И что — я должен требовать, чтобы в Перми везде показывали этот фильм?

«Как говорили классики, революция продолжается»

— Лужковская модель — с ней все понятно. А главное, понятно, как она работает (не думаю, что стоит спешить с прошедшим временем). У Лужкова есть свои представления о прекрасном — он считает, что это хорошо для го-

рода и людей, и навязывает это свое «хорошо». Жителям окраин, крепким обывателям это и нравится (или уж, во всяком случае, их это не раздражает). Вопрос — зачем он все это строит, устраивает,

финансирует — имеет ли ответ: народу нравится. А какая концепция стоит за вашим подходом? Вы вкладываете средства и силы в развитие культуры, причем без всякой связи с вашими личными представлениями о прекрасном и хорошем. Зачем вы все это делаете?

— Ну, вы сами и ответили. То, что делал Лужков, нравится жителям городских окраин, крепкому обывателю, то есть тем, кому нравятся сложившиеся правила игры. А нам не нравятся сложившиеся правила игры. Нам не нравится, когда большая часть экономики находится в госсекторе, когда средства используются неэффективно, когда люди не несут ответственности за свою судьбу и судьбу своих детей. Нам не нравится, когда люди считают необходимым жаловаться губернатору, что у них не горит лампочка в подъезде. Нам это не нравится, а потому мы хотим оживить поляну, изменить сложившийся уклад. Чтобы люди забегали.

— То есть культурная революция — это не столько часть пиар-программы, сколько часть программы по...

— Стимулированию изменений. Мы опираемся на те слои населения, которым свойственна тяга к изменениям, которых, как нас, не устраивает

рывать. У них свои вкусы, и они в любой момент могут сказать: а на черта это все, зачем он это делает? Мы не хотим ничего такого.

Мне вот не понравился документальный фильм «Мать», который открывал фестиваль «Текстура». А люди аплодировали, кричали «браво». А фильм «Наша Раша. Яйца судьбы» мне нравится очень. Мы как власть ничего не бракуем. Это не наше дело.

сложившееся положение. Наша идея в том, чтобы создать условия для деятельности, чтобы создать пространство, которое стимулирует их активность.

— Все это хорошо, очень красиво звучит. Но в реальности те, на кого вы опираетесь, — это, может, и активный, но уж точно не лояльный слой. Они сами думают, сами готовы принимать решения — и какие это будут решения, очень трудно прогнози-

— Что значит — не лояльны? Что, они завтра пойдут с топорами крушить музей современного искусства? Не пойдут. Как не пойдут крушить администрацию губернатора или Законодательное собрание. Их нелояльность на самом деле позитивна, она направлена на развитие, а не на разрушение. А в этом случае пусть они будут не лояльны.

— Тут самое время перейти к конкретным выводам этой самой не-

лояльности. У культурной революции в Перми сильная и активная оппозиция. Давайте навскидку — два наиболее ярких представителя: писатель Алексей Иванов и видный региональный политик и бизнесмен Андрей Агишев. Насколько, с вашей точки зрения, их позиция обоснована?

— Начнем с Андрея Агишева. У нас с ним хорошие отношения, мы с ним на «ты». Что его не устраивает? Его не устраивает губернатор. Ну, не нравится он ему. Так вот — вся его фронда против пермской культурной революции и ее деятельности имеет исключительно неприязнь к Чиркунову. Он оппонирует любым действиям губернатора. Причем не власти — Агишев один из руководителей регионального отделения «Единой России», — а именно Чиркунову. На самом деле Агишев не против культурной революции, не против музея современного искусства и даже Гельмана — он современный человек, идеологически он, скорее, близок всем этим идеям. Его оппозиция чисто политическая, я бы сказал аппаратно-политическая. Что-то не срослось у него с губернатором, вот и вся оппозиция. >>

«Я назвал придурками совершенно конкретных людей»

Андрей Агишев — самый, пожалуй, симпатичный пермский оппонент Марата Гельмана. И самый странный: Агишев ведь и современным искусством увлекается, и в «Единой России» состоит. «Журналу Соль» депутат местного парламента рассказал, почему культура — не та сфера, «в которой надо бороться и что-то доказывать». Полный текст интервью читайте на сайте <http://saltt.ru> в проекте «На Каме, вперед!».

— Спрошу прямо: вы за или против «культурной революции»? — Я недавно принимал участие в записи передачи на канале «Культура». Речь шла о культурном проекте в Перми. Как водится, были те, кто за, и те, кто против. Ваша коллега журналистка (помоему, из газеты «Труд») заявила: «Все правильно, я поддерживаю культурную революцию. Гельман и компания делают все правильно. Надо им менять сознание». Я задаю

вопрос: «Кому Гельман и компания меняют сознание и почему это правильно?» Она говорит: «Ну как это! Пермь давно надо сменить сознание». Тут я уже не выдерживаю: «Девушка, поясните, пожалуйста, зачем вы, москвичка, хотите мне, пермяку, менять сознание?» Она в ответ: «Ну как! А модернизация? Медведев же сказал, что модернизацию надо делать? А как ее проводить без модернизации сознания!» Ну и дальше уже

дискуссия пошла в русло «ребят, начните с себя, раз вы так серьезно относитесь к словам Дмитрия Анатольевича, и все остальные подтянутся». Приезжающие из Москвы деятели культуры жаловались на «духоту и консервативность» Москвы. В итоге с напором и криками «Скептики будут посрамлены!» они вытаскивают региональную культуру.

— В общем, вы отказываетесь от сотруд-

ничества с «революционерами». — Я считаю, что никакие бюджетные вложения в культуру не оправданы без поддержки местных меценатов, без отклика потребителя этого самого искусства на данной территории. Также необходимы понятные правила игры — понятные условия выделения денег на культурные проекты и институции, внимание к местному наследию, сохранение занятости в сфере культуры. Пока

преимущества при выделении средств имеют проекты, близкие к «революционерам». Этот перекос стал очевидным, после появления проекта концепции культурной политики. В первой редакции концепции культурной политики [Пермского края] не было оперного театра, театра «У моста». Вот Театр-Театр был, «Сцена-Молот» была, а театра оперы и балета — не было. Был фестиваль «Африка в Хохловке» (или «Хох-

ловка в Африке?»), а вот «Дягилевских сезонов» не было. Потом, конечно, заявили, что это был неправильный вариант, но в итоге в этот неправильный вариант вставили все пропущенные театры и фестивали и заявили: «Вот, есть у нас все. Вы не правильно смотрели». Но при этом по-прежнему нет театра Евгения Панфилова, нет театра «У моста», нет соликамского хорового ансамбля, нет Строгановской иконы, — местной базы нет. >>

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС
Альпийская горка
дом «Крокус»
улица Чернышевского, 15а

ЛУЧШИЙ
ОБЪЕКТ
ГОДА

- Центральный район города Перми, рядом с пл. К. Маркса
- Развитие собственной инфраструктуры
- Иновационная архитектура
- 1, 2, 3, 4 комнатные квартиры индивидуальной планировки
- На 24 и 25 этажах одноуровневые и двухуровневые пентхаусы с террасами площадью от 116 до 350 кв. м.
- На первых этажах предусмотрены помещения для коммерческой недвижимости
- Квартиры подготовлены под чистовую отделку
- Стеклопакеты, панорамное остекление
- Современная отделка общих холлов и коридоров
- Высокоскоростные лифты LG SIGMA
- Новейшие инженерные технологии
- Двухуровневый подземный паркинг

Стоимость:

- 1 кв. м — от 45 000 рублей
- Машинное место в подземном паркинге — 700 000 рублей

Финансирование:

- Скидка 10% при единовременной оплате
- Минимальный первоначальный взнос для заключения договора — 30%
- Рассрочка платежа до конца 2011г. с удорожанием 11% годовых
- Рассрочка предусматривает равные ежемесячные или ежеквартальные платежи
- Оформление через жилищный кооператив «Синица»

PAN City Group

Петропавловская, 16а
телефон: 257-17-17

определенная
камская
долина

Советская, 40
телефон: 218-16-55

— А Иванов?

— А вот Иванов — другое дело. Он не согласен как раз идейно. У него другой взгляд на мир. Вот мы говорим: мы хотим, чтобы Пермь была столичным городом. А он говорит: а я не хочу, чтобы Пермь была столичным городом. Иванов защищает определенную позицию. Чем сильна провинция — тем она и сильна. Что в ней есть, то и прекрасно. И не надо ничего менять. Для меня это совсем другая идеология, другой вектор развития. Позицию Иванова можно уважать, за ней есть, наверное, своя правда, но она мне принципиально чужда. Мы хотим оживить пространство, изменить его.

— Оживить — это понятно. Но вот я в Перми захожу, например, в «Абырвалг» — место неуютное, неприятное, грязное — смотрю по сторонам и вижу ту самую продвинутую молодежь с живыми лицами, для которой, собственно, и делалась культурная революция. Так вот, прошло два года культурной революции, а им по-прежнему, кроме как в этом «Абырвалге» пить пиво,

Николай Новичков — один из самых обсуждаемых колумнистов «Соли». Читайте его тексты на сайте <http://saltt.ru>.

некуда деваться. Для них ничего не изменилось.

— Начнем с того, что «Абырвалг» — это не просто пивная, это ведь еще и специальное место. Там проходят концерты, там показывают фильмы. Может, некрасиво выглядит, но так это ведь ценовой категорией определяется. Это тоже точка на культурной карте.

— Точка... Ну, может быть, но только это совсем не столичное место. Не живое. Там неуютно, уныло. Там плохо.

— Тут проблема подлеса. Есть звезды первой величины, а есть мидл-уровень. Есть обыденность. Понятно, что постепенно начнет меняться и мидл-уровень. Да и уже меняется. Это уже не только пивная. Как обычно в Перми. Если у человека нет денег, то он пойдет в «Абырвалг», и это не самое плохое времяпрепровождение. Власть не должна открывать пивные, гипермаркеты и все такое прочее — это обязанность бизнеса. Собственно, культурная революция для того и нужна, чтобы обеспечить новый уровень потребностей. А когда возникнет новый спрос, то появятся и предложе-

ния, соответствующие новому уровню потребностей. Бизнес отреагирует на эти предложения. Правда, обычно он реагирует с некоторым опозданием. Вот моя хорошая знакомая Зоя Лукьянова, директор Института гражданской активности, предложила решить проблему пивных нашествий на [пермскую городскую] эспланаду очень просто: сделать там зону бесплатного Wi-Fi. И через сезон люди с ноутбуками вытеснят людей с бутылками пива.

— А вы не пробовали провести эксперимент?

— Проводить Wi-Fi на эспланаду — это совсем не задача власти.

— А почему? Раз это механизм стимулирования, то почему нет?

— Это бизнесовая вещь. Человечек должен вложиться и получить с этого прибыль.

— Понятно. Вернемся к пермской культурной революции и ее промежуточным результатам. Что плохо было, на ваш взгляд? Что не получилось?

— Самое главное — мы не научились объяснять. Система

аргументов, система показателей и правил — она до сих пор не сформулирована. Вот нас постоянно обвиняют в казнокрадстве, и одна из причин: мы не можем внятно объяснить, что мы делаем. Вот тот же му-

зей так воспринимают. И вот только сейчас мы сделали попытку сформулировать культурную политику Пермского края, но и то — это только попытка. Там нет ответов на все вопросы.

Самое главное — мы не научились объяснять. Картины современных художников реально дорого стоят, они растут в цене, а вместе с ней и капитализация музея современного искусства. Но мы этого не объясняем, и в итоге люди говорят: фигня, отмыв денег, воровство.

зей современного искусства — картины современных художников реально дорого стоят, они растут в цене, а вместе с ней и капитализация музея. Но мы этого не объясняем, и в итоге люди говорят: фигня, отмыв денег, воровство. Причем не только на бытовальском уровне, но и на уровне государственных чиновников мно-

— А как концепция может прекратить разговоры о воровстве? Помогут, концепциями такие задачи не решаются.

— На уровне аргументов решаются. Вот нам говорят: ты рьят деньги и ничего не делают. Лучший ответ — это дело, результаты. Вот мы написали концепцию, теперь будет проще. >>

Посмотрите: все люди, которые в Перми эту самую культуру представляли и олицетворяли, столкнувшись с агрессивным меньшинством, просто бросили все, развернулись и ушли. Ушел [писатель Алексей] Иванов: он где-то в степях Башкирии занимается своим делом, изредка поглядывая на то, что происходит в Перми. Ушел [бывший худрук пермской оперы, нынешний главреж Московского детского музыкального театра им. Натальи Сац] Георгий Исаакян. Кто бы как ни сетовал, что

«это утрата», «как мы сожалеем», фактически его выжили. Никаких предложений остаться ему не поступало. Ему предложили работу в Москве, он согласился, потому что здесь жизни нет. Ушла Наталия Шостина, объявив о закрытии фестиваля Катмва, поскольку она не может работать в этих условиях. Ушла «Новая коллекция».

— Принадлежащая вам и вашей супруге «Новая коллекция» — «ушла». С другой стороны, этот же фонд объявил о создании

в Перми альтернативного музея современного искусства. — Не было такого. Это некая интерпретация Гельмана, когда желаемое плюс отрывки фраз выдаются за действительности налицо. Хотя мы с ними не спорили. Мы просто повернулись и ушли. Культура — это не та сфера, в которой надо бороться и что-то доказывать. Тут все просто разворачиваются — и уходят.

планируем. Просто потому, что тут же и Мильграм, и Гельман в голос заявляют: «Вот, благодаря нам возник этот музей. Да, в борьбе. Да, мы спорили. Но результаты нашей деятельности налицо». Хотя мы с ними не спорили. Мы просто повернулись и ушли. Культура — это не та сфера, в которой надо бороться и что-то доказывать. Тут все просто разворачиваются — и уходят.

— После того как закончили прокатывать вашу инициативу об отмене льготы по

налогу на прибыль, вы в своем блоге называли депутатов «придурками». Но Артемия Лебедева за «мудаков» вызвали к барьеру. В чем разница между «придурками» и «мудаками»? — Я выплеснул эмоции, накопившиеся у меня за время обсуждения моей инициативы на двух комитетах законодательного собрания. Мне задавали идиотские вопросы. Я назвал придурками совершенно конкретных людей — думаю, они поняли, кому адресован месседж.

Тема Лебедев написал: «Все депутаты в Перми — мудаки» и, более того, «не мудаков — нет». Что называется — без вариантов. Можно, конечно, не воспринимать это всерьез, как призывали меня в комментариях к этому посту: «Ну, Тема такой, что вы обиделись-то». Но, во-первых, я не обиделся — это не та ситуация. Во-вторых, я написал совершенно конкретную вещь: «За слова надо отвечать, жду тебя в Перми». Я знал, что Тема либо подставлен, либо сам подставился. Его месседж-то

был в том, что депутаты целый год тянут с выделением денег на [Пермский] центр развития дизайна. А они такие молодцы, сделали остановки и прочее. Подставился, потому как депутаты, проголосовав за бюджет 2010 года в 2009 году, про тему и про Тему забыли. Все, деньги выделили. Я не знаю, по каким причинам деньги не дошли до Темы. Но я точно знаю, что депутаты вообще ни сном ни духом. И я знаю, что результат-то будет...

Вопросы:
Евгения Пастухова

Николай Новичков (слева)

— А не возникает мысли, что лучше, эффективнее те же деньги было вложить во что-то другое? Что начать надо было не с этого, а с другого?

— С чего, например?

— Ну, хотя бы самое банальное: дороги строить.

— Дороги строить? Одна из главных претензий к Лужкову — цена московских дорог: стоимость километра московских дорог едва ли не выше стоимости километра адронного коллайдера. Но это ведь не лужковская специфика только — так система устроена. Так вот, мы не хотим работать в этой системе. Мы хотим, чтобы у дороги был бизнесовый подрядчик, который несет ответственность за ее качество, и именно за это качество мы должны платить. Не за работы по ремонту дорог, а за качество полотна. Они могут один раз сделать так, что больше не придется ремонтировать — или могут ремонтировать постоянно, тратя свои деньги —

оплата будет одинаковой. Или даже меньшей — из-за ремонта будут простои, а это снижает качество услуги. Вот пример подобного подхода — Соборная площадь [в Перми] находится в управлении у частной компании, которая отвечает за ее чистоту и состояние.

Мы сейчас не дорогами занимаемся, мы изменяем культуру управления, а когда изменим, то и дороги будут.

— Все это правильно и здорово, только вот едешь из Перми в Екатеринбург, например, и как только вместо ухабов появляется нормальная дорога — значит, проехали границу Пермского края и въехали в соседнюю область.

— Так ведь и в Москве дороги прекрасные. Только про це-

ну адронного коллайдера мы уже говорили. И в Екатеринбурге ровно то же. Мы никогда не напасемся никаких денег, если станем так строить дороги. Мы сейчас не дорогами занимаемся, мы изменяем культуру управления, а когда изменим, то и дороги будут.

станет европейским городом?

— Вот на [Пермском экономическом] форуме Лоуренс Харрисон, который многое в жизни повидал, который в свое время возглавлял одну из комиссий ООН... У него сейчас основная фишка, что главное — это культурная работа, которая меняет крестьянское сознание стран третьего мира. На вопрос, сколько времени на это нужно, он ответил: можно очень быстро — одно поколение. Вы спрашиваете когда? Если честно, то нескоро. Такие дороги, как в Москве, будут нескоро. И результаты культурной революции будут нескоро. ☐

Хорошие дороги и по адекватной цене.

— Здорово! Только опять же все упирается в вопрос: а когда? Когда будут дороги? Когда вместо «Абырвалга» будут современные живые места для молодежи? Когда все заработает — и Пермь

Мускулы
красных
человечков

Материал о «культурном альянсе» читайте на 54-й странице.

«Грязная, зачуханная, в чебуреках!»

В середине октября 2010-го на канале «Россия-К» вышла передача «Пресс-клуб XXI», посвященная «культурной революции» в Перми. Передача, в общем, немного смогла объяснить — по поводу происходящего в новой «столице», зато ее всю можно растащить на цитаты. Редакцию «Журнала Соль» до глубины души потрясло выступление Валерия Переверзева — директора Музея истории телесных наказаний (и это не шутка). Вот его точнейший пересказ:

— Никакой там [в Перми] на фиг нет [культурной] революции, не было и не будет! Все знают Марата Гельмана. Это перформанс — вот и все! Это представление такое, понимаете? Ходил-ходил человек, нашел фактуру — такую грязную, зачуханную, всю в чебуреках, бутербродах... в каких-то шашлыках, парикмахерских — и опа! И в центре вот этой вот непонятности вырастает музей современного искусства! Да о чем вы говорите? Классный получился перформанс. Но дальше это никуда не пойдет.

В отличие от PERMM, прозябающего в чебуреках, шашлыках и парикмахерских, Музей истории телесных наказаний находится на ВВЦ в Москве. Невозможно удержаться еще от одной цитаты. «Музей представляет несомненный интерес для современного человека, прежде всего не столько в смысле познания давно отжившего института телесных наказаний, сколько всестороннего изучения быта и нравов народа, практиковавшего на протяжении веков членовредительство, боль и срам, как законные и обычные средства воздействия на нарушителей закона», — сообщается на сайте Валерия Переверзева. ☐

ПРОДАЖА ТУРОВ

**ЕГИПЕТ
ТАЙЛАНД
ИНДИЯ**

вылеты из Перми

☎ 235-12-08

Куйбышева, 10, оф. 13

Вопросы: Елена Краева
Фотографии: Екатерина Федорова

«Пермь еще не настолько хороша, чтоб над ней экспериментировать»

Председатель совета директоров KD Group, гендиректор ОАО «Камская долина» Андрей Гладиков — о собственных ошибках и победах, о «культурной революции», а также о том, почему западным инвесторам не очень интересна Пермь.

— Андрей Владиславович, есть мнение, что люди дела отличаются от наемных работников, в первую очередь тем, что знают простую истину — слова ничего не значат и ничего не стоят, по-настоящему ценны только действия. Вы — кем себя считаете?

— Наемные профессионалы тоже отвечают за свои действия. Я хоть и являюсь собственником доли в KD Group и «Камской долине», работаю, тем не менее, каждый день за зарплату генеральным директором. Поэтому я, по всей видимости, наемный работник дела.

— Вы с детства мечтали стоять во главе бизнеса или руководить собственной компанией — или просто знали, что так все и будет?

— Скорее, знал, что все так и будет. Я ведь ничего не умею делать руками; я, как говорил Жванецкий, — «лампочку ввернул, весь в синяках». Поэтому остается только руководить. Признаюсь честно: у меня не было мечты стать строителем. Мотивацию сегодня объяснить сложно. Но вот выбор специализации «Управление и организация строительного производства»

уже был неслучайным. Немного позже я вывел простую формулу, согласно которой основа эффективности любого производства, в том числе строительного, лежит в эффективности управления.

— Вы сами создали себя в бизнесе или все-таки бизнес создал вас?

— Все мои годы роста как молодого специалиста были связаны с объектами промышленного строительства, строительство жилья я никогда не воспринимал всерьез. В армии мы строили локальные объекты на огромных заводах. Я учился управлять процессами организации строительства, связывать отдельные потоки в этом многогранном процессе. В жилищную сферу пришел по необходимости — нужно было обеспечить семью жильем. В начале 1990-х, когда понятие «бизнес» пришло в российскую действительность, у меня был уже семилетний стаж работы на предприятии: я от должности мастера дошел до должности начальника СМУ. Эту должность занял, когда мне было 28 лет, у меня уже сформировались свои профессиональные подходы. Мы успевали за год сменить пять площадок, сдавая 100 тысяч квадратных метров, — это,

конечно, очень хорошая школа. Позднее, когда пришло понимание бизнеса и проектного управления, я оглядывался на собственный ранний опыт — и понимал, что, строго говоря, строительный проект — это классика проектного управления. То есть к бизнесу я уже был подготовлен советской школой промышленного и гражданского строительства. Однако и благодаря тому, что у меня были хорошие учителя и замечательные руководители — такие, как, например, Алексей Васильевич Коровников.

— Что для вас стало самым большим вызовом в работе, самым большим препятствием и самым большим достижением?

— Скажу так: препятствия формируют характер и правильные подходы. На вызовы или противоречия, наверное, обречен каждый специалист. Здесь главное выбрать правильный путь. Научиться анализировать пройденное и попытаться извлечь какую-то пользу. Так вот, самым большим достижением, несмотря на все вызовы и препятствия, для меня стало то, что строительная отрасль меня от себя не отвернула — и я не отвернулся от нее.

>>

— А что вас мотивирует на движение вперед?

— В процессе работы сформировался коллектив единомышленников. И буквально все, что мы имеем, — это плод коллективного труда, разума и слаженного действия. И я думаю, что, выбрав спонтанно профиль своей деятельности, я не ошибся — я действительно получаю душевное удовольствие от работы. У меня нет хобби, которое бы превышало по своей привлекательности мою профессиональную деятельность, именно в ней я черпаю свой адреналин. И если, катаясь на горных лыжах, я выбираю склон, только если я точно понимаю уровень возможной опасности в приложении к своей квалификации, то в своей профессиональной деятельности я поеду по любому склону. Можно, конечно, и шею сломать, но в этом такой особый драйв. Вся моя деятельность — это шахматы. Кто-то только в перерыв в шахматы играет, а я все время фигуры двигаю. Можно сказать, что это уже заикленность на своей профессии, но она мне нравится.

— Насколько активно внедряются в строительной отрасли инновации? Способны ли они стать толчком к ее развитию? И вы лично — за какие инновации?

— На самом деле их очень много. Но одним из конкурентных преимуществ нашей компании является подход проектного управления, в котором есть две очень мощные составляющие: единая информационная система и система бюджетного управления. Мы — единственное предприятие-застройщик в Перми, которое разработало и внедрило свои системы. Они позволяют нам иметь отклонение в 5–10 процентов в конечном результате. Вместе с тем, мы подтягиваем наших подрядчиков и поставщиков под те же самые системы управления и стандарты работы. Наши усилия

направлены и на повышение энергоэффективности. Внедряем тепловые насосы, устанавливаем индивидуальные и общедомовые приборы учета энергоресурсов и системы очистки. В домах, подпадающих под программу «Народная квартира», все это вносится в проект, чтобы потом этими вопросами уже не занимались ТСЖ или собственник квартиры.

— Пермь взяла курс на строительство «культурной столицы». Это в каком-то смысле тоже инновационный проект. Как вы относитесь к культурным инновациям?

Я считаю, что бизнес должен платить налоги. Я не понимаю, почему он должен быть еще и социально ответственным.

И справедливы ли возражения против этой культурной политики? Ну вот в Перми, например, за последние 20 лет было уничтожено 40 процентов памятников архитектуры и средовых объектов — еще до проекта «культурная столица».

— К тем инновациям, которые происходят в культурной политике Прикамья, отношусь отрицательно. Я никогда не считал себя знатоком культуры, но скажу одно: ряд конкретных примеров показывает, что политика в этом отношении явно продвигает одни направления культуры, совершенно забывая про другие.

Памятники — это моя большая тема. У нас об исторических памятниках Перми начинают вспоминать только тогда, когда какой-нибудь памятник попадает в проект застройки, в руки застройщика. Но ведь эти здания статус памятников получили не вче-

ра, когда строители вышли на территорию! А кто предыдущие 70 лет заходил в этот памятник и говорил о том, что это история и ее надо беречь? Где они были, когда люди писали на стенах «спасите нас от крыс!», а жители второго этажа, проживающие в этих памятниках, справляли нужду на голову жителям первого? Где хоть одно письмо в КЦОП о том, что состояние аварийное? Поэтому и отношение к «красным человечкам» у меня резко негативное: городская среда еще не настолько хороша, чтобы проводить подобные эксперименты. Может, стоило эти деньги потратить на памятники?

кризиса, и это был отдельный блок. Но я думаю, что в таком месте, как Урал и Пермь, зарубежный капитал не заинтересован. Есть спекулятивный зарубежный капитал, и поэтому когда мы показывали высокую доходность, то был и интерес, были переговоры, была серия встреч с потенциальными инвесторами. Мы презентовали свои инвестиционные проекты, нам присваивали кредитные рейтинги уважаемые международные агентства.

В августе 2008 года мы стояли в шаге от заимствования. Инвесторы готовы были инвестировать в пермскую компанию, но не потому, что она пермская, а потому, что она показывала интересную для них доходность.

— Как бы вы могли охарактеризовать стратегию развития компании «Камская долина» в краткосрочной и долгосрочной перспективе?

— Кризис «Камской долины» дал понимание того, что мы живем в рублевой зоне. Мы были счастливы, что не заняли в валюте, а заняли в рублях — в Сбербанке. Поэтому наша стратегия такова: пока к нам не придут покупать квартиры за доллары, мы будем работать только в рублях. Мы стали патриотами родной валюты. И та истеричность, которую проявили иностранные инвесторы, с воплями убегающие от российского рынка, выдирая с мясом и кровью свои деньги из тех предприятий, в которые они их вложили, позволяет нам в ближайшее время быть уверенными, что к иностранным инвесторам обращаться не будем.

— Почему-то считается, что на чистоту с бизнесменами о «социальной ответственности» говорить бессмысленно. Какую роль вы отводите этому вопросу в своей компании?

— Я считаю, что бизнес должен платить налоги. Я не понимаю, почему он должен быть еще и социально ответ-

— Сегодня любая компания может выйти на европейский рынок капитала. Насколько европейцам интересны девелоперские проекты, например, в Перми?

— Переговоры с иностранными инвесторами велись до

«Основная задача — четкое понимание своей клиентской ориентированности и соответствие продукта тем возможностям и потребностям, которые есть сегодня, будут завтра и послезавтра»

ственным. Есть личные убеждения, но я не называю это социальной ответственностью. Да, мы возводим фитнес-клубы в жилых микрорайонах массовой застройки, где есть объекты «Камской долины». Ведь те, кто захочет торговать водкой, найдутся всегда, а вот

спорт и здоровье — это такая тема, которой еще далеко до средневропейского уровня развития услуг. Также мы приняли решение о содействии в возведении храмов в жилых комплексах «Авиатор» и «Боровики». «Камская долина» участвует в спонсиро-

вании и оказывает партнерскую помощь. И всегда мы стараемся реализовать основную цель — быть востребованными. Мы очень тщательно следим за тенденциями рынка. Мы нацелены на работу с клиентами. Кризис показал, что нет ничего лучше, чем роз-

ничные целевые клиенты, которые идут за жильем для себя. Поэтому основная задача — четкое понимание своей клиентской ориентированности и соответствие продукта тем возможностям и потребностям, которые есть сегодня, будут завтра и послезавтра.

Текст: Василий Лебедев
Иллюстрация: Андрей Носков

Короче, ведите себя как нормальный учитель

А тебе сколько лет? — Я Артур Евгеньевич, я преподаватель.

Все выпускники школы в 2010 году, которых я знаю или учил, стали студентами. Экономист — только один, да и то случайный: его дерганье (или лучше: терзанье) между культурологии и экономической теорией в какой-то момент превратилось в лотерею, где на кубышках выщерблены не названия вузов («Гос» и «Пед»), а маршруты, куда проще ехать. Или, скорее всего, где больше людей.

Я тайно проверяю их ЖЖ, так же, как и они свой — в поиске новых читателей или комментов. Основные темы: доброта, красота, Лео ДиКаприо, проклятая жара и только что прочитанные книги, среди которых — Кизи, Капоте, Ремарк, Брэдли. Книжка Брэдли, которую я однажды случайно нашел дома, выходила в серии с названием «Передай добро по кругу» с предисловием советского космонавта, год издания — 1983-й. У моих учеников книги издания 2010 года — там просто один том, без серии.

Они зовут в кино. Один раз мы случайно встретились на улице — они подумали, что я хлещу винище, а это был грейпфрутовый сок.

Их любимый вопрос: «Как вы там?» (как будто я работаю в воркутинской шахте с завалами). В конце непременно добавляют: «Мы обязательно зайдем к вам... навестить» (как будто я болею, и меня разрешено видеть сезонно).

На своих аватарах они уже третий месяц с кем-то общаются.

ме меня. Я надеюсь, это не так, но иного объяснения у меня нет.

Каждый мой день в школе — как последний. Весь прошлый год я зарекался, что 1 сентября 2010-го буду сидеть и просто молчать. И вот — 1 сентября. Я у школы. Вымощенная площадка у крыльца похожа на плац. Если

Следующая линейка для седьмых — девярых классов. Добро пожаловать! Денежная валюта — нацвай. Хобби — дзюдо. Неподалеку стоит новый учитель, школьницы ехидно обращаются к нему, будто он новичок в их классе:

— А тебе сколько лет?
— Я — Артур Евгеньевич, я преподаватель.

улинг, дыни, флешки с боксером Емельяненко. А меня в коридоре второго этажа поймала за рукав очень странная учительница немецкого.

— Я вам все равно дам ценный совет, — наставляла она. — Общайтесь с ними вот так.

Она посмотрела в окно на толпу школьников, махнула им рукой: «Здравствуйте, дорогие мои!»

— Короче, ведите себя как нормальный учитель? — усмехнулся я.

2 сентября у меня стоят уроки в восьмых классах. Я посмотрел их анкеты «В контакте». Деятельность, интересы и «о себе» — какая-то арабская вязь. Статусы — «скорей бы лето». В видеозаписях — кто-то кого-то бьет и выкидывает кошек из окон.

Я знаю, я мог бы быть переводчиком. Но у меня сейчас занятие поинтереснее. Меня зовут Василий Лебедев, и я учитель. ☐

У меня уроки в восьмых классах. Я посмотрел их анкеты «В контакте». Деятельность, интересы и «о себе» — какая-то арабская вязь. В видеозаписях — кто-то кого-то бьет и выкидывает кошек из окон.

Самое большое удивление моих университетских преподавателей, что я работаю по профессии. Что я все еще учитель. «Ты мог бы быть переводчиком», — говорят они. Но я ведь перевожу иногда.

Из всех учителей в нашей школе мне повезло больше всех. Я веду английский, историю и обществознание у шестых, седьмых, восьмых, десятых и одиннадцатых классов. Среди этих классов есть «специальные»: дети там с низким уровнем подготовки. На деле, они попросту никому не нужны, кро-

снять очки — черно-красный плац.

Первая линейка (а их всего четыре — школа большая) — для первого и десятых — одиннадцатых классов.

У первоклашек отняты все карманы: ключи. У одиннадцатиклассников там: сигареты и мобильники. Некоторые первоклашки смотрят только под ноги, некоторые — только на небо, исключительные — по сторонам, со всеми здороваясь. Мальчики из 10 «б» класса (направление инженерно-техническое) громко говорят про какую-то сауну.

Он нынешний вузовский выпускник. Он учитель — не знаю, почему называет себя преподавателем. Через десять минут ему надарили цветов, он раскраснелся и спросил, где взять ведро.

Сетка в школе тоже новенькая. Работала с нефтью, но кругло-суточная занятость не понравилась ее мужу. Теперь у нее режим — с 14:00 до 20:00. Зачем-то рассказала всем про свое лето в Венеции. Зато блокнот у нее — с Ницше.

Школьники очень быстро ушли из школы: у них еще — кино, бо-

Василий Лебедев

Пермь

Учитель

Текст: Борис Куприянов
Иллюстрация: Андрей Носков

Ворота в Россию

Приезжая в Пермь, столичный бомонд узнает нашу страну заново. Понимает: седьмая часть суши заселена не людьми в треухах и телогрейках, а нормальными людьми.

Перми повезло в империи как советской, так и российской — город всегда был провинцией. Что значит провинцией? Город не имел столичных притязаний, в отличие от Свердловска или Новосибирска. Пермьки, правда, всегда отмечают, что до революции их город был губернским, но отмечают без ностальгии и сожаления о «былом величии». Действительно, «столица Урала», «столица Сибири» или даже «столица Карелии» — звучит, а «столица Прикамья» — как-то не очень. К тому же Пермь была самым западным городом России, где могли жить люди, «ограниченные в правах» по политическим мотивам. Что, безусловно, сказалось на культурном уровне. Однако это город с почти миллионным населением, огромный по масштабам (чуть ли не самая маленькая в Европе плотность населения). В Перми нет такого провинциального снобизма, прижившегося в XX веке даже в Питере. А что такое провинциализм как не вторичность? Желание походить и даже по-своему превосходить центр. Столица как образец, а

город как подобие (помоему, в Йемене стоит маленькая копия Биг Бена). Пермь как-то избежала этой болезни... Противники новой культурной пермской

ского ренессанса» менее важны (нас ведь не так сильно интересуют причины пермского звериного стиля), чем его значение для Перми и страны. А значение

или район, где есть продуманный губернский документ, определенный как «культурная политика», план развития. Есть ли в России местная группа интел-

лигенции, «обиженные» Гельманом, спорят, возмущаются, то есть являются субъектами культурной жизни. Это явление, эта заинтересованность, пробуждение, если хотите, уже во многом оправдывает провокацию музея современного искусства.

Сильнейшее впечатление производит «Музей пермских древностей» в здании вокзала Пермь I. Это по-настоящему западный музей, не по качеству стен и окон и богатству экспонатов, а по построению. Это не собрания окаменелостей, не коллекция, а музей, в котором даже у ребенка складывается общая картина процесса, в данном случае эволюции. Пожалуй, в Москве интересной, доступной, а главное последовательной подачей материала может похвастаться только Дарвиновский музей, очень надеюсь на обновленный политех, но это когда еще будет. (К сожалению, это общая претензия к российским музеям. В Историческом представлена ценная коллекция артефактов — например, наконечников стрел — но последовательной картины истории России после осмотра не складывается.)

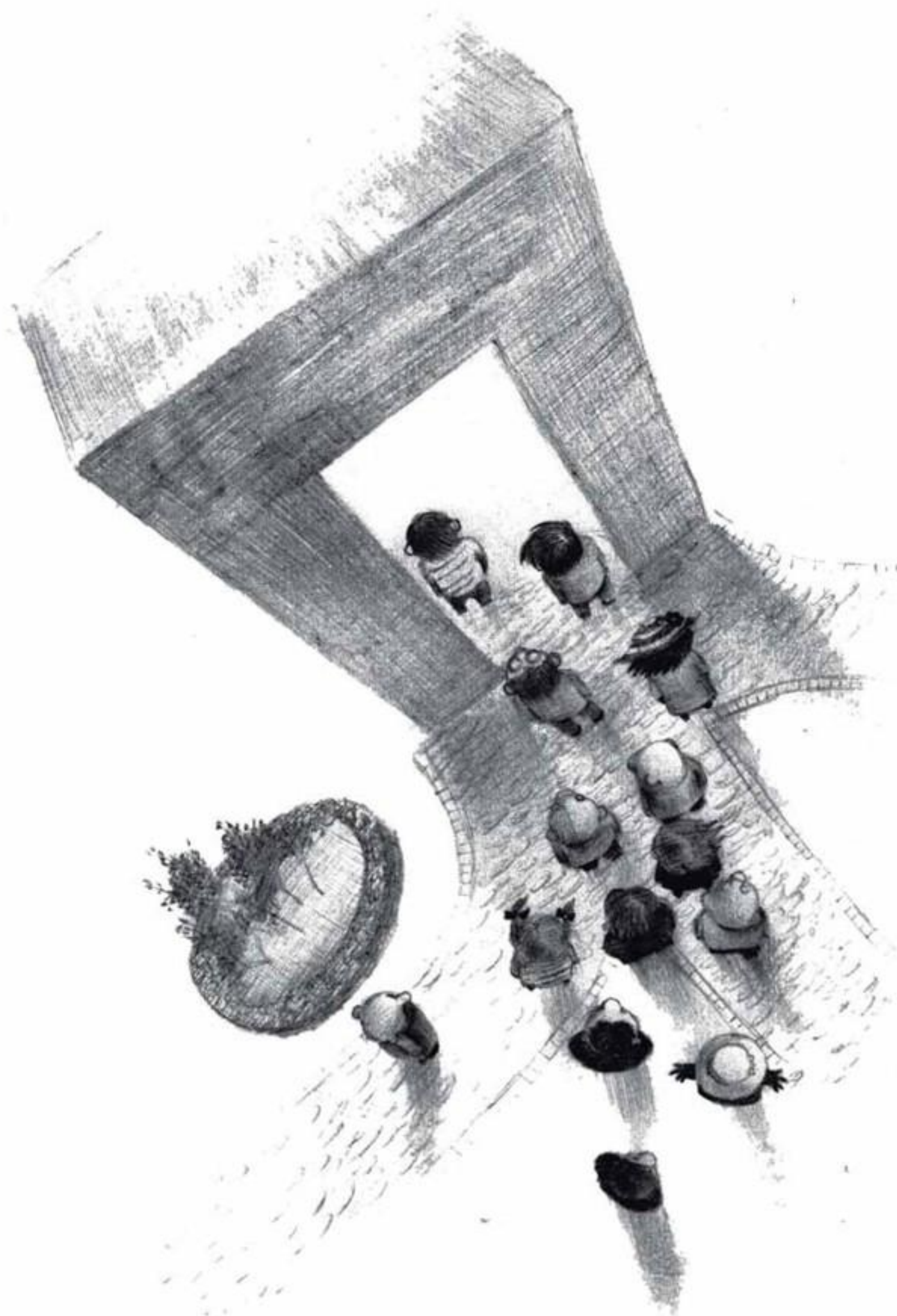
Я еще полтора года назад потешался над гельмановским музеем в окружении шатров с шашлыками и шаурмой, адскими дискотеками и заблеванным берегом. И был склонен соглашаться с противниками «засилья чуждого».

политики часто говорят о «варяжской природе» феномена. Действительно, Гельман действует агрессивно, «волюнтаристски», как сказали бы еще 20 лет назад. Много из того, что он делает, кажется вызывающим и не принимается большей частью населения. О мотивах и «подлых» замыслах ходят самые разнообразные слухи и в Перми, и в Москве. «Распил бюджета», вхождение во власть, незаконное приобретение собственности, насаждение «сатанизма и постмодернизма» по всей стране — только маленькая толика того, что можно услышать. На мой взгляд, мотивы и причины «перм-

«культурной политики Пермского края» пока еще не получило реальной оценки.

Посмотрим сначала на то, что случилось с городом. Я еще полтора года назад потешался над гельмановским музеем в окружении шатров с шашлыками и шаурмой, адскими дискотеками и заблеванным берегом. И был склонен соглашаться с противниками «засилья чуждого». Но давайте задумаемся и вспомним, есть ли хоть еще один город в России, где «творческая оппозиция» представляет свой вменяемый план культурного развития в ответ на план официальный. Есть ли в России город, область

лигенции, не согласная с данным документом и выдвигающая свой альтернативный проект, рассчитанный на несколько лет. Не будем оценивать достоинства и недостатки обоих проектов, но заметим, что как в Москве нет и не было «культурной политики», так и вся московская интеллигенция не может предложить ничего, кроме требований сохранить то, что еще осталось; но какого-либо проекта, плана развития (не архитектуры, а культуры в целом) нет и не было. А в Перми есть — целых два. В эту полемику так или иначе включен каждый образованный (и даже не очень) горожанин. Представители

Блоги
интернет-газеты
«Соль»

Абашев
Громов
Давыдов
Данилов
Емелин
Колпаков
Лебедев
Левенталь
Левкин
Мульменко
Новичков
Раков
Стабровский
Фридман
и другие

ежедневно

Выставки на Речном, фестивали, спектакли «Сцены-Молот» вполне адекватны, по ним можно судить о культуре страны. Открытие книжного магазина «Пиотровский» вообще ставит Пермь в число трех городов в России, где можно найти книги независимых издательств. Количество лекций, круглых столов, гастролеров увеличилось в разы. В город стало, наконец, приезжать больше народу. Перечислять значения культурных изменений для региона можно долго и скатиться до газетного стиля восьмидесятых. Все же важнейшим, по-моему, можно считать именно появление творческой полемики.

Юлия Идлис написала, что Пермь в числе прочего служит «окультуриванию Москвы» — возможно. Но это не единственное значение пермского эксперимента для родины. И для Юлии, и для многих других, и для меня в том числе, Пермь является воротами в Россию. Приезжая в Пермь, столичный бомонд узнает нашу страну заново. Понимает: седьмая часть суши заселена не людьми в трусах и телогрейках, а нормальными людьми. Людьми с понятными эстетическими, культурными пристрастиями, говорящими с Москвой и Питером на одном языке. Что греха таить — в последнее время мы все более были похожи на западников двадцатилетней давности. Мы, конечно, знаем, что по Красной площади медведи не ходят и в очереди за туалетной бумагой не стоят, но там (мы традиционно машем рукой на

восток) — terra incognita. Наличие подробных карт с железными дорогами, автотрассами, булавочными головками городов ни в чем не убеждает. Мы не любознательны, Россия в наших головах ограничена средней полосой и югом

Столичные жители с удовольствием слушают рассказы о белых медведях, праворульных машинах и всяких удивительных чудесах земли русской, не считая все это своим.

(только приморским, не Кавказом же); мы считаем, что все нормальные люди из России уже переехали в Москву. Москвичи спокойно относятся к переселенцам; приезжие, попадая в Москву, как бы отрицают свою причастность к России. Столичные жители с удовольствием слушают рассказы о белых медведях, праворульных машинах и всяких удивительных чудесах земли русской, не считая все это своим. В равной мере это касается и коренных, и недавних (позавчерашних) кировчан, ростовцев, сибиряков, харьковчан) москвичей. Проживание известного человека в провинции (вроде Алексея Иванова) выглядит как чудачество или поза... Все это было верно до Перми. Теперь мы изменяемся и рассматриваем «замкадь» если не как свое, то хотя бы не как чужое. Наме- рение Андрея Родионо-

ва уехать в Пермь уже не вызывает удивления и восхищения. Если Всеволод Емелин завтра сообщит, что теперь будет жить в Астрахани, конечно, многие покачают головой, но изумленных будет куда меньше, чем пару лет назад.

Сомневаюсь, что столичный дизайнер, предложивший в качестве символа Перми красную квадратную букву «П», задумывался над схожестью этой конструкции с воротами. Символическими воротами в Россию. ■

Борис
Куприянов

Москва

Основатель
сети книжных
магазинов
«Фаланстер»

Стихи: Всеволод Емелин
Иллюстрация: Андрей Носков

Тризна (политическая)

Ведро клеветы хулители / вылили на кепку мэра. /
Он предстал для телезрителей / чем-то вроде Люцифера.

Кто за водкой, кто за чайником —
Под нехитрые харчи
Вспоминать градоначальника
Соберутся москвичи.

Вспомнят люди его праздники,
Его ясные глаза,
Вспомнят стройки, вспомнят пасеки,
И покатысь слеза.

Помянут автолюбители
МКАД и Третье кольцо.
Вспомнят храм Христа Спасителя,
Его скромное лицо.

Помянет интеллигенция
Его добрые дела,
Что при нем, как во Флоренции,
Жизнь культурная цвела.

В небеса вздымались статуи,
Длилось пиршество искусств.
Что имело результатами
Услажденные наших чувств.

Он доплачивал помногу
Ветеранам за свой счет,
Молодым была дорога,
Старикам здесь был почет.

Всевозможными диаспорами
Мэр столичный был любим,
Не делил людей по паспорту,
А смотрел он в души им.

Над Москвою флаги веяли,
Был родным здесь каждый гость,
Только отчего-то с гениями
У Лужкова не срослось.

Позавидовали бесы
Благолепию у нас
И шакалам желтой прессы
Отдали команду «Фас!».

Ведро клеветы хулители
Вылили на кепку мэра.
Он предстал для телезрителей
Чем-то вроде Люцифера.

Говорил ведущий бойкий
Вслух ужасные слова:
Снес старинную застройку
Наш московский Голова.

Что дошла в Москве коррупция
До невиданных высот.
Для хулителей презумпция
Невиновности не в счет.

В каждой пробке на столице
Мэр, конечно, виноват,
И посмел он покуситься
Даже на дуумвират.

Что чудовищными суммами
Оперирует жена...
Порешили люди умные,
Наше дело — сторона.

Били тысячи орудий,
Шел неправый, скорый суд.
И гляди — уже на блюде
В кепке голову несут... ■

Всеволод
Емелин

Москва

Поэт

Текст: Иван Давыдов
Иллюстрация: Андрей Носков

Рыбье царство

Говорят, у рыбы горизонт памяти – тридцать секунд. То есть два раза в минуту рыба оказывается в совершенно новом, неизведанном мире.

Говорят, у рыбы горизонт памяти – тридцать секунд. То есть два раза в минуту рыба оказывается в совершенно новом, неизведанном мире, где ее ждут удивительные приключения. Червяк на крючке, например, или челюсти другой, также открытой удивительным приключениям рыбы.

Возможно, врут. Но представить себе мир, в котором память – не длиннее рыбьей, довольно интересно. Тем более что мы в нем живем.

Корреспондент канала «Россия» стоит у подножия памятника Петру и, выпучив от искреннего изумления глаза, вопиет: «Как! Как могла эта махина уродовать вид на Москву в течение тринадцати лет?!» Несколько дней ранее прекрасная дива с того же канала вопрошала экспертов: «Почему мы только теперь заговорили о городских проблемах, о бизнесе Елены Батуриной, почему?» Вопрос странный вдвойне, ведь в экспертах люди, которые говорили об этом не умолкая с конца прошлого века.

Но для телевидения ничего не было. Петр вырос у ЦДХ как гриб, за один день. За одну ночь коварная супруга незадачливого мэра выиграла сто тысяч тенде-

ров, произвела миллиард тазиков, построила миллиард квадратных метров жилья и заработала миллиард долларов. Может, даже не один.

За полчаса грузный мужчина в кепке превратился из отца-основателя правящей партии, заседавшего в бесчисленных комитетах и даже в Совете мудрецов (нет, на самом деле имеется такая ин-

удивительный мир, в котором все – впервые. Все – по-новому. Изумление всякий раз – неподдельное. Жить интересно. Удивительный мир рыбьей власти.

Телевизор – это ведь власть. Правящая партия – тем более. И врио мэра, внезапно забывший, что был тут до него когда-то любимый начальник, – власть. И даже президент, неоднократно вручавший

му симпатичен, – а не кошмарный детский зоопарк с Манежной площади. Его-то точно не тронут – из корпоративной солидарности, там медведь с рыбой.

Но можно вспомнить массу всего другого. Порыться в предвыборных документах ЕР, например, за 2003-й и 2007-й. Посмеяться над тем, как президент обнаружил вдруг коррупцию внутри национального проекта «Здравоохранение». Каковой проект в бытность свою вице-премьером не один год курировал.

Можно даже взгрустнуть, наблюдая, как под пафосные речи о внутренней свободе и неизбежной демократии готовится закон «О полиции», беспрецедентно расширяющий права стражей, и без того склонных к нанесению увечий и прочей правоохранительной деятельности. Да еще не без гордости поминается при каждом удобном случае его «общественное обсуждение».

И так далее, примеров хватает. Благо мы не рыбы, память имеется.

А раз уж имеется, важно не забывать: в стране, на верхушке которой – власть без истории, способная забыть собственные действия недельной давности (тут, кстати, можно было бы эффектно по-

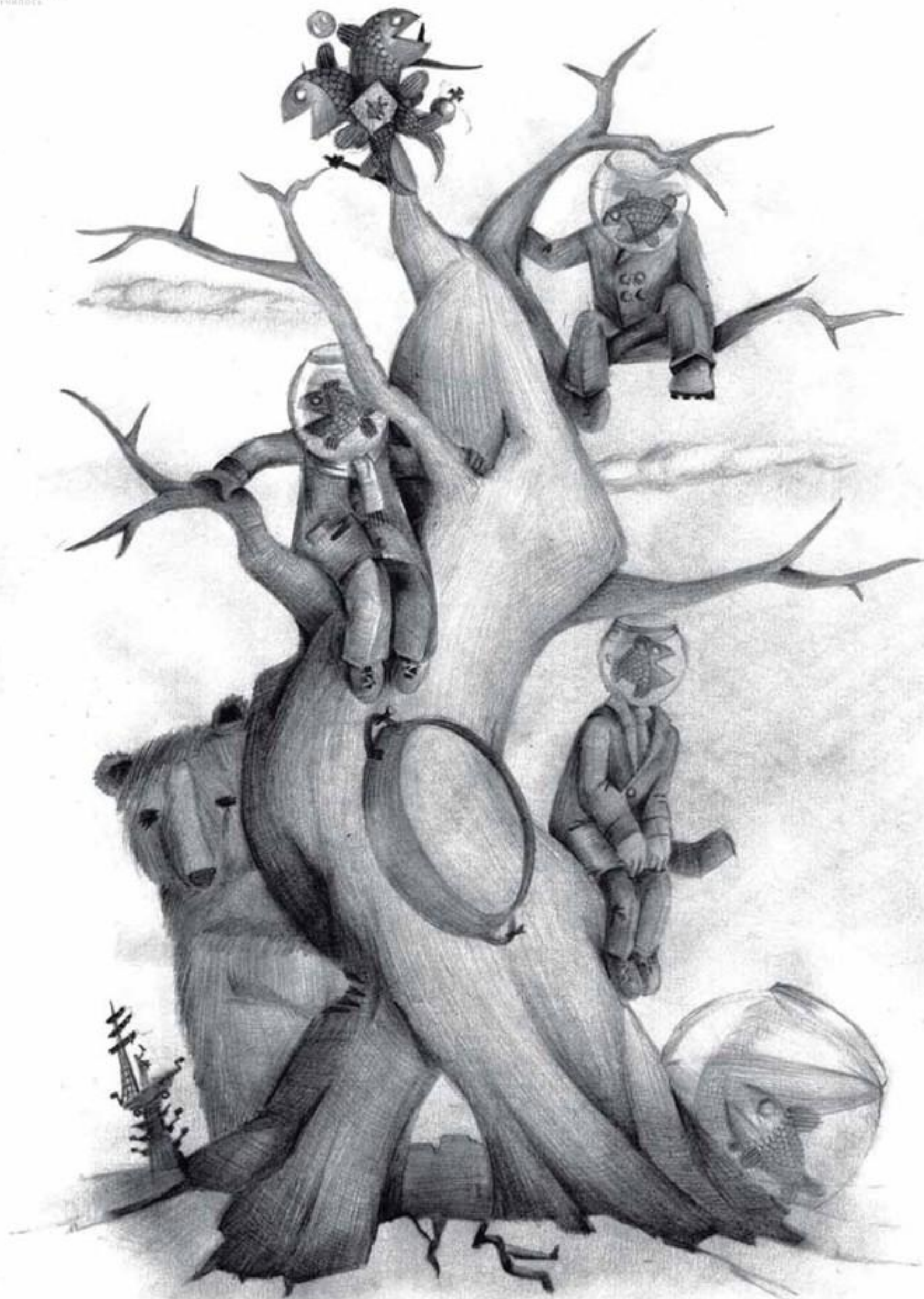
рассуждать о принципиальности установки на этакую внеисторичность: не зря ведь люди, целиком сделанные в девяностые, – режим, растущий из девяностых как дерево, – создали целый эпос о «лихом десятилетии» и преодолении его последствий), не стоит грезить ни о какой стабильности. Речь, понятно, не о той стабильности, на которую принято было молиться еще пару лет назад (если понадобится, они об этом забудут, и мы увидим еще на госканалах разоблачительные фильмы о «бесправных», например, нулевых, с яркими какими-нибудь названиями, «Дело в стерляди», например, или «Безжалостный поцелуй в животик»), а о простых основаниях для собственного, вполне обывательского спокойствия. ■

Иван Давыдов

Москва

Директор по развитию интернет-газеты «Соль»

Текст: Любовь Мухоменко
Фотографии: Иван Козлов

Это наши летят самолеты

Высокое производство – моторный завод: инженеры самолетных душ орудуют в своей огромной операционной.

Русские самолеты делают в Ульяновске, Иркутске, Воронеже и еще кое-где. Двигатели для этих самолетов собирают отдельно – на Уфимском моторостроительном производственном объединении, например, на Пермском моторном. Эмблема УМПО – что характерно, буквы «УМПО».

Кроме двигателей, здесь производят еще «Гэтзушки» – газотурбинные установки, и на них заказов начиная с 1990-х больше, чем на самолетные движки. «Гэтзушки», нужные для электростанций и транспортировки газа, – дело выгодное, хоть и не согласуется с самолетиком с эмбле-

го – экзотическая, архаичная. Нельзя уже запросто и не без гордости объявить новому знакомому: я – рабочий. Лучше окольно: я – сотрудник завода такого-сякого.

Годами изо дня в день лить металл, обтачивать детали, полировать и быть довольным человеком можно, только если ты ощущаешь себя внутри большого, полезного войска. У войска, знают офисные по компьютерным игрушкам, должна быть высокая мораль, иначе просос. При СССР далеко не все умели, но вот собирать и мотивировать войска – на диво хорошо.

В общем, я думала по дороге на ПМЗ, что застану рабочих деморализованными, а оказалось, что они всех обманули, и проходная – портал в заповедник СССР: с геранью на окнах, плакатным искусством, советами молодежи, женщин, ветеранов и физкультуры, почетными грамотами и заводским братством.

Да и с моралью в целом порядок. Особенно у тех, кто был призван лет 40 назад – для них вообще ничего не изменилось, и производственная война не кончилась, а модернизация – синоним индустриализации. Видимо, мораль, обретенная солдатом однажды, не выветривается. Это как если в первый раз полететь на самолете ребенком, когда ничего не страшно, а все любопытно, потом не будешь бояться полетов. >>

Годами изо дня в день лить металл, обтачивать детали, полировать и быть довольным человеком можно, только если ты ощущаешь себя внутри большого, полезного войска.

Эмблема ПМЗ – самолет летит над солнцем: картинка, по-советски сдержанная и по-советски же романтическая. Вперед и выше, одним словом.

Конечно, самолеты в России сейчас не первым делом и даже не вторым. Хотя правительство в 2006 году придумало возродить отечественный авиапром, учредило ОАК (объединенную авиастроительную корпорацию), и производители стали давать оптимистичные интервью про новую линейку самолетов и качественные «Суперджеты». Пермский моторный завод, может, следит за новостями, а может, и нет. Пермский моторный завод знает себе делает двигатели.

мы ПМЗ. Впрочем, на другом важнейшем пермском заводе, Мотовилихинском, одно время вообще делали игрушечных гномиков.

С тем, что заводы больше не при государстве, а на рынке, все уже как-то свиклись и не жалеют. Мне вот было всегда больше жаль из-за другого, вроде бы второстепенного побочного эффекта перестройки – кончился рабочий класс. То есть рабочие из класса превратились в наемных сотрудников, формально ничем не отличающихся от администраторов, которые идут утром не в цех, а в офис. При этом теперь профессия администратора – обычная профессия, а рабоче-

Больше других на канонический цех из учебника похож литейный. Это первое звено производственной цепочки, здесь делают заготовки лопаток, на которых держится двигатель

На ПМЗ культ флоры: в переходах между корпусами стилизованные оранжереи, в цехах — зеленые уголки. Хочется, видимо, живого среди техники

Рабочие со стажем рассказывают, что двадцать лет назад лопатки были совсем другие — как и технологии. Но и тогда, и сейчас после опилки-полировки детали должны блестеть, как леденец на солнце

П а в е л , слесарь-сборщик авиационных двигателей, трудовой стаж — два года

Зачем ручек столько в кармане? Ну... Писать. Потому что я занимаюсь документацией (*задумчиво*). Черная. Синяя. Черная гелевая. У всех складывается [ощущение], что завод это, не знаю, станки одни, все, что так работают... А здесь как бы сборочный цех, и на самом деле куда чище, чем где бы то ни бы-

ло. Мне показалось, что это привилегированно. Поэтому и выбрал работу здесь. Мама у меня работает на горном оборудовании, в Закамске. Отец... Щас пока не работает... Не работает, короче. Да. У него производственная травма. Дзержинский завод. Насколько я знаю, занимался производством бензопил. Брат на Ленин-

ском, тракторы собирает. Все по разным заводам. А когда мне было очень-очень мало лет и все хотели стать космонавтами, я хотел стать водолазом. Такое вот странное желание. Больше к технике почему-то меня тянет. Много кто учится у меня из друзей. В политехническом, в сельхозакадемии. Есть люди, которые

решили с компьютерами жизнь связать. Есть друг, который работает на [пермском телеканале] «Рифее», как же это у них называется... не оператором, не монтажником... Техник... Техник... Следит за всем, за обслуживанием, чтобы мы смотрели новости. Служил в военно-воздушных войсках. Так получа-

ется, что с авиацией меня многое связывает. У армии и завода общего — то, что находишься в закрытом пространстве. Что в армии ты год за забором, так и здесь. Такой же контрольно-пропускной режим. Но все-таки тут работа, а там армия. Тоже немного разные вещи. Я в заводскую столовую не хожу. С собой я при-

ношу из дома. Домашнее почему-то больше нравится. Я не то что хочу сказать: о-о-о, столовая — это плохо. Все, все можно брать на самом деле. Не отравиться. Самому если лететь, я бы лучше выбрал самолет, на котором стоят наши двигатели, потому что я ведь знаю, как наши собираются двигатели,

и я, конечно, склоняюсь к ПС-90. Пусть это звучит немного патристически, но все-таки. Патристизм есть. Конечно. Конечно, да. Тут все-таки от твоей работы зависит жизнь других людей. У двигателя есть определенный ресурс в часах полета. После которого он должен пройти проверку. Грубо говоря, срок год-

ности. Или у него, допустим, дефект. Допустим, попала птичка в двигатель. На самом деле! Такое бывает! Там от птички уже ничего не остается. Ну не то что именно птичка, а попадание любого постороннего предмета. Самолет упал, это ведь в сентябре было? Да, я как раз работал до армии, в 2008 году. Про «Бо-

инг» много разных фактов было. Двигатель там стоял другой, не совсем другой... не скажу, как он называется. «Боинг» самолет не русский и собирался, наверное, в США. А почему упал, не узнаешь сейчас. Государственная тайна хранится 50 лет — через 50 лет все и узнаем точно, что было на самом деле.

Рабочие из цеха № 13 очень гордятся роботом, который помогает им изготавливать формы для отливки деталей. Рука робота погружается в керамическое тесто, потом выныривает и долго ждет, пока стечет излишек.

Для транспортировки металлоотходов по территории завода проложена воздушная железная дорога. Правда, большинство рабочих никогда не видели, как она делает свои дела

Цеховые рады, что ими, в отличие от каких-нибудь производителей бензопил, интересуются СМИ: «Бензопилу когда рекламируют, то работников не рекламируют, даже если это хорошая бензопила, умалчивается, а про нас все-таки говорят и в газетах. И по ТВ. Это как-то окрыляет»

В а л е р и й, сменный мастер участка механообработки лопаток, трудовой стаж — три года

Я раньше работал на «Новомете», на станке, на прессе, потом стал наладчиком. Сюда пришел сменным мастером, подумал, тут интереснее. Но я ведь хотел стать актером. В технический поступил чисто из таких «Орыстных событий», потому что из «культка» забирали в армию, а из технарей нет. Сначала

институт, потом двое детей. В 1990-х годах в армии делать было нечего. Участвую в концертах авторской песни. Пою как и свое, так и каверы. У меня есть рок-группа, которая называется «Стан». «Стан» — это зашифрованное название, это секрет, и мне пока не хотелось бы его раскрывать. Я — голос и полуклассика,

еще флейтист и соло-гитарист. Мы участвовали 9 мая в акции «Победа ветеранам» и участвовали на «Живой Перми». Люблю «Калинов мост», «Алису», «Ник Кейв энд зе Бэд Сидс», «Зе Дорс». Фолк ближе к готике. Фолк-готика, скажем. Постепенно госзаказы начали уходить в разные карманы. Сейчас не думаю, что предприятие

А в плане поэзии даже за станком можно сочинять. Я, бывало, стоял, придумывал. На заводе раньше было лучше по рассказам старой гвардии. Но опять же завод все время жил на донорстве государства. Фолк-готика, скажем. Постепенно госзаказы начали уходить в разные карманы. Сейчас не думаю, что предприятие

приносит большую прибыль. Но при определенных условиях я бы хотел, чтобы мои дети работали здесь, только в другом цехе, и желательно в трех километрах от папы и от мамы. Я поражаюсь над некоторыми молодыми людьми [на заводе], 22–26, с которыми я общаюсь,

за то, что они настолько сильнее в общении и уже достигли определенных высот. Может, потому что я чужой просто. А они здесь уже варятся по пять-шесть лет. Самый красивый цех — наш, 43-й. А если кроме нашего, тогда 95-й. Где еще управление информационной политики. Еще в музее завода кра-

сиво. Больше всего мне понравился у них проигрыватель, потом граммофон, корпус самолета, двигатели его. Я им подарил гитару. «Орфей». Не строила уже по ладам. На литературном вечере музей нам отдал песню на стихи Гофмана, которую мы на свой лад переделали. Нет, не старый Гофман, а пермский поэт.

Когда-то на Урале делали очень хорошие клинки. И с этими клинками работал целый отряд, ходил там врукопашку рубился. В Великую Отечественную войну. И Гофман сочинил стихотворение. Цитирую по памяти: «Мы напишем рабочим Урала, / мы расскажем про старые слова, / что клинок из стального метал-

ла / находится в надежных руках. / Мы напишем — пусть все узнают, / чем уральский клинок так хорош, / пусть узнают фашистские гады / наш уральский стальной клинок». Ну она такая патристическая, там коммунизм только так был. Но мы сделали из нее тяжелый блюз, и на 9 мая хорошо пошло.

В механических цехах частично старое оборудование, частично – современное. Сотрудники завода, когда ведут гостей, стремятся скорей увлечь их к прогрессивной технике, потому что у нее «более презентабельный вид»

Рашид Ильдусович, формовщик, трудовой стаж – 11 лет

В цехе шум – так у нас беруши, уши затыкаем. Очки, чтобы в глаз ничего не попало и не выбило глаз. Может, стружка, может, что. У нас участок называется «формовочная», изготавливаем форму. А потом туда заливается металл. Когда я пришел в цех, ра-

бота была не такая производительная, как сейчас. Сейчас, наверное, в два или три раза поднялась производительность. У нас ввели новый робот, новую газовую печь привезли. У нас количество людей стало меньше. А техники больше, и технологии совсем новые раз-

рабатываем и вводим. Мы делаем вещи даже, которые в Америке не делают! Лопатки вот, которые все мы делаем, а я делаю для них формы – вот эти формы они не могут делать. В авиакружок я не ходил. А ходил... В кружок юных, этих... Ну, природу вот

смотрели... Юный натуралист, да-да-да. Я вообще работал раньше шахтером. В Кизеле, в Кизеловском бассейне. Работал проходчиком, горным мастером. Жизнь-то сложилась так, что попал вот сюда, на завод. Ну... Ваще не знал, что такое завод, у нас там четырехсмен-

ка, и условия труда совсем другие. Вообще, специфика совсем другая. Пришлось переучиваться полностью. Если бы Кизел не закрылся бы, я бы как бы давно уже на пенсии был бы. У нас 20 лет отработываешь – и уже на пенсии. И завод бы я практически не уви-

дел. Спасибо заводу, что меня приняли сюда, мне это понравилось очень. Я когда пришел в цех: чё я здесь буду делать? Две недели только инструкции учил. Много инструкций, полно у нас. По каждой операции. Интересно, когда из других стран приезжают и

смотрят: «А как же вы так делаете?» Китайцы приезжали, американцы приезжали, немцы приезжали. Китайцы только перелизывают, у них башка-то не очень, мне кажется, работает (хохочет). Кубинцы еще, но у нас на участке я не видел. А эти ходят, смотрят, как

чё делается – они же не могут знать. Они приехали, а у нас робот впервые был, ну и посмотреть, как робот работает, что как. Служил в погранвойсках. Понравилось. В пограничную службу все входит же. Там и охрана самой границы... Коллектив небольшой – восемь

человек заставка. Полугорная, на лошадях. На китайской, кстати, границе. Когда вот это-то получилось, когда перестройка-то началась, я на рынок пришел – опять одни китайцы, екарный бабай! На границе-то через мушку друг на друга смотрели.

>>

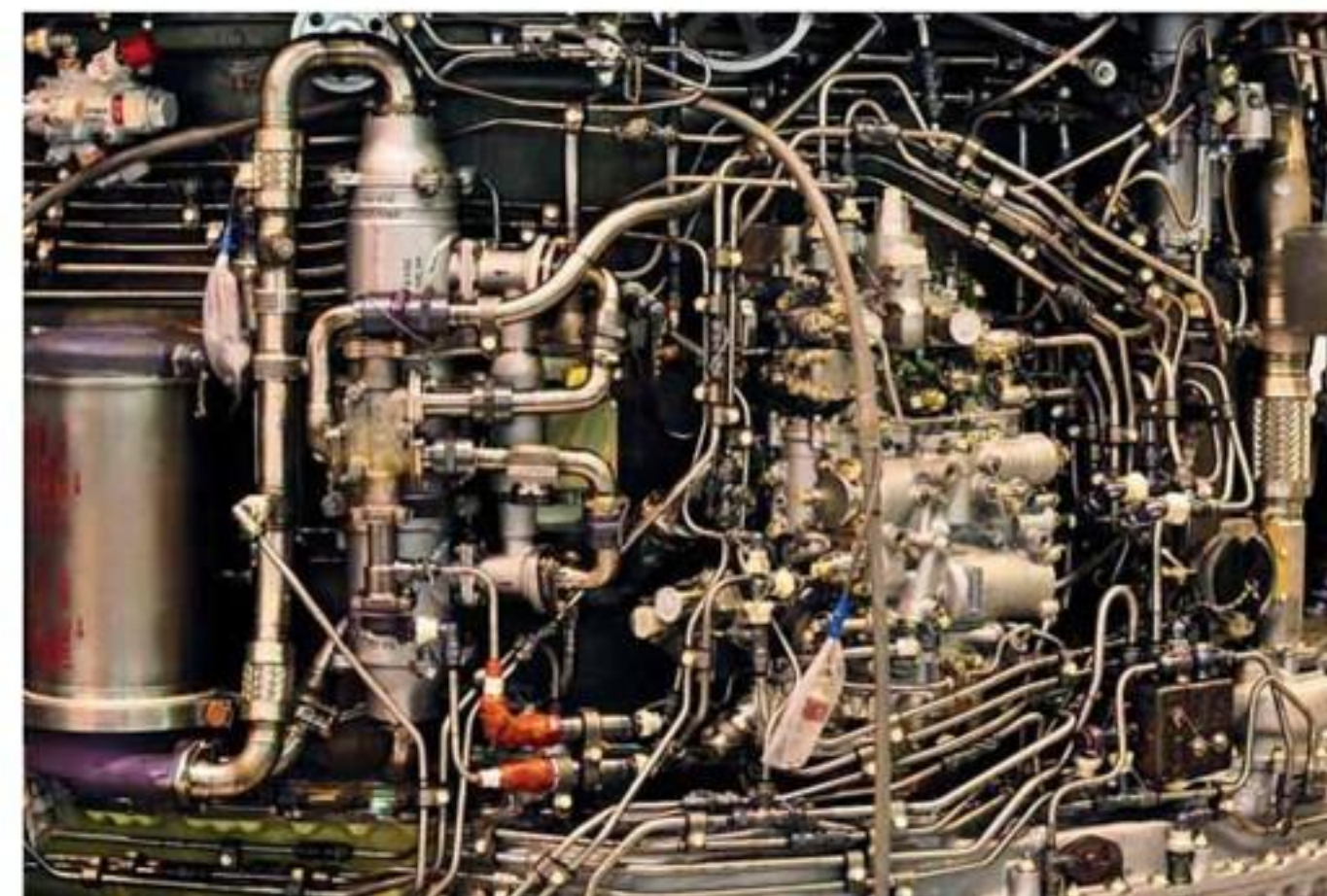
На самом деле глазу старое оборудование приятнее, и некоторые сотрудники завода принципиально хранят ему верность. Моют и полируют лопатки по старинке

Новый же аппарат выглядит опасным химическим роботом, машинной времени, в которую страшно садиться. Особенно когда смотришь, как за прозрачным стеклом деталь ошпаривает струя масла

Цех сборки — самый цивилизованный. Здесь люди в белых халатах, а не в синих и тем более не в спецуках. В центре зала огромный двигатель из 15 тысяч деталей, вокруг него суетятся сборщики. Это не простой двигатель, а президентский. Для самолета, на котором улетит Медведев. Двойная ответственность

Плакаты про ответственность здесь вообще на каждом шагу. Чтобы помнили: если не туда приладишь проводок, двигатель откажет, а там уже Медведев — не Медведев, все равно катастрофа

Когда сборщики уходят на обед, они накрывают от пыли детали, лежащие на длинных металлических столах, белым полотном. Получается как в морге космического корабля. Моторный завод в принципе царство научной кинофантастики: в любой момент, веришь, могут прилететь инопланетяне и атаковать российских инженеров

Ирина Николаевна, старший мастер плавильного участка, трудовой стаж — 29 лет

Это значок у меня, двигатель ПС-90, в каком-то году юбилей завода был, давали. Я после техникума пришла контролером сперва работать. То есть лопаточки шли через меня — именно продукция. А через годик — контрольный мастер, а потом уже на производство пригласили как женщину. В те времена мужчи-

ны еще пили на заводе всегда, а у нас руководство порядочное, то есть к алкоголю отрицательно относилось. Первый раз, когда пришла, цех, конечно, показался грязный, страшный, темный, но интересный. Литейный цех люди ассоциируют то со сталеварами, то еще с чем-то, что льется, брызжет. А у нас литье вакуумное, то есть

сам процесс заливки идет в закрытом виде. То есть это не так страшно. Поступила в техникум — было это престижно. Но прямо не думала, что буду работать на производстве старшим мастером среди таких установок и мужчин. Хотя мне с мужчинами легко, горя от них не знаю. Многие жены даже обижаются: домой придут — только

о вас и говорят. Я говорю: так они не обо мне говорят, они о работе говорят. Каждому задание подбираешь, рассчитываешь, чтобы сил хватило у него. Тяжело же работать. Стараешься менять, а не чтобы один надрылся. Разного веса блоки, бывает 25–30 килограммов. И тысяча градусов. Его попробуй дотаци.

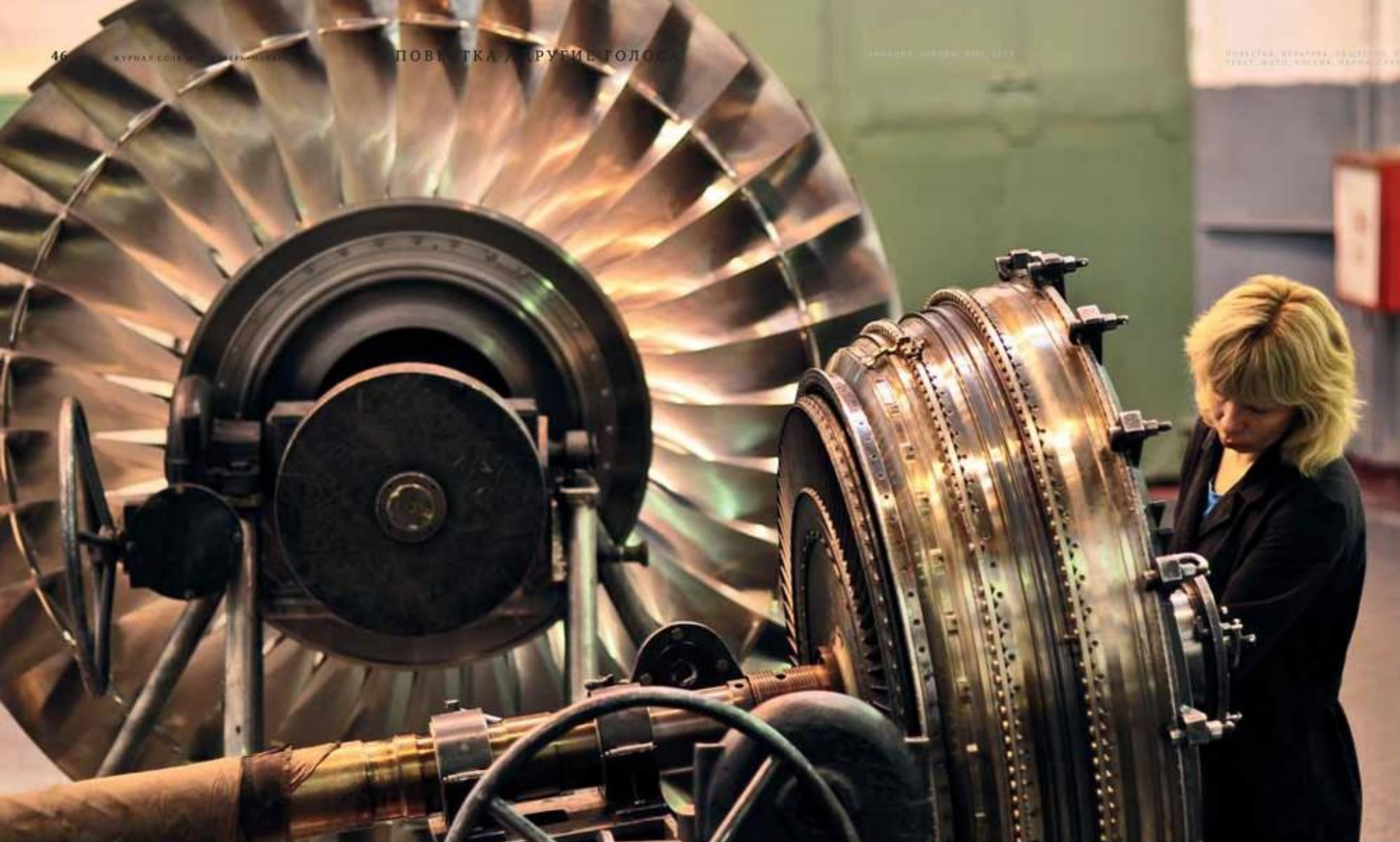
Когда мужчина старший мастер, не очень хорошо. Практически участок сплоченный. Нас ведь немного, 24 человека со мной, но много на них оборудования очень ответственного. То есть контакт обязательно с каждым плавильщиком в течение дня. Общение прямо постоянное. Шутим, общаемся, про семьи все знаем, кредиты у всех поручителями

все, вот, график, иди. Практически участок сплоченный. Нас ведь немного, 24 человека со мной, но много на них оборудования очень ответственного. То есть контакт обязательно с каждым плавильщиком в течение дня. Общение прямо постоянное. Шутим, общаемся, про семьи все знаем, кредиты у всех поручителями

идем друг у друга. Машины все купили, квартиры, вот все платим сейчас кредиты. Сыновья оба работают у меня на моем участке. Муж работал, ушел на пенсию. Как-то это уже само собой. У нас продукция есть, называется «короба». Короб, если он бракованный, трещинка там — подделывать, срезать — и получается типа горшоч-

ка под цветы. Ну не в домашних целях, домой-то он, конечно, никому не нужен. А здесь где-нибудь на участке... Ну, как правило, больше под мусорки их удобнее. Просто так напрямую-то мало отходов, все идет на переработку. Вибросито, измельчитель. То, что нарядаться некуда... Чтобы себя проявить, бывают ситуации — вот во

Дворец [культуры на мероприятии завода] нас часто приглашают. Никто не запрещает, пожалуйста, в обед переоденся. Когда уже вся жизнь отдана производству, уже как бы нету даже мыслей. Одна работа на уме. И хочу сказать, что и сейчас девчата контролерами, технологами просятся, места нету прямо. Не боятся завода, идут в цеха.»

Как уже было сказано, коллектив Пермского моторного завода всех надул и остался одной ногой в СССР. Главное тому доказательство — здесь ведется общественная работа. Например, проходят конкурсы на самую благоустроенную прицеховую территорию и самое опрятное рабочее место. А кто выигрывает — получает путевку на авиасалон МАКС.

Валентина Павловна, сварщик 5-го разряда. Ведущий инженер-технолог ОГС. Председатель Совета женщин «Пермские моторы», трудовой стаж — 48 лет

Я такая женщина, я должна быть... Интересной! В «Журнале Соль» весь Пермский край Чудинову узнает, ну чё она такая чуча. Давайте чуть подвернем, подогнем, губки сделаем, а пока поговорим, ладно? Мы же на ходу подметки рвем, у нас жизнь такая. Как долго я живу на этом заводе, кошмар! С 17 лет. Меня сразу комсоргом избрали, у меня было 208 комсомольцев! Я вот нынче настроилась

уходить из Совета женщин, потому что у меня тако-ой рубежный возраст, что даже угадать не сможете. Ну-ка, угадайте, сколько бабушке будет 27 декабря? Эбаут твенти файв! Шестьдесят пять, ребята. Я заматываюсь, я же еще на производстве работаю. И еще профсоюзный лидер в отделе! И еще спорт! Я чемпион России по ветеранам, волейбол, ездим каждый год в Сочи на игры среди женщин-ветеранов. Так вроде бы забавно, своего

рода хвастовство, но я пресытилась уже всеми этими делами, с возрастом какая-то приземленность и скромность наступают. У мужчин Совета нет, они и так при власти. Но мы свои женские проблемы все равно с мужчинами решаем. Сколько начальников сменилось, пацанов 26-28-летних команду пришлют четыре человека, совсем юные из Москвы вылупившиеся, и они начинают править бал. Мы по пол-

года зарплат не получали. Очень тяжелые времена были. Мы и пикетировали. Профсоюз не смел. А мы у заводоуправления плакаты сделали, осень была, чуть ли не зима. «Наш завод — наш директор!», «Не прокормиться, не похорониться!», «Послушай женщину — и сделай!». Руководство: ого, думает, бабы вышли. Женщины более сложны, чем мужчины, вот наша особь создана. Мужчины более усредненно слеп-

лены. А уж он из ребра из своего творил не знаю что. Сколько в нас лучших качеств, чем в мужчинах, столько и порочных. Чувство зависти развито больше, чем у мужиков. Но я закрываю глаза на негативы женщин. Надо в этот момент ее пожалеть. Мужчинам тоже помогала. Инвалид — парень без пальцев, за 40, неженатый, в общаге. Где у тебя, говорю, Петя, пальцы? Да отпилил на работе. Я говорю — вот дурак, те-

бе даже инвалидность не оформили. И живет в общаге, койкоместо. А такой краснодеревщик! Директорам офиса отделявал! Я на директора вышла, пробили мы ему в общежитии комнату — и буквально на следующий год он на табельщице женился и живут по сей день. Это ли не победа женщины — мужикам глаза открыть? А еще самая лихая победа, когда смежники не расплачивались. Все без денег жили. На заводе «черка-

шки» были. По фамилии начальника Черкашина. Бумажные денежки с печатью. И мы на эти денежки в столовой питались в счет зарплаты и покупали суп в баночке, домой носили. Решили: надоело, давайте в Москву! Было всероссийское шествие в Москве предприятий оборонной промышленности: Ульяновск, Саратов... Государство нам задолжало. И перед Минобороны вся площадь была запружена нами с плакатами. И мы

вшестером через все пикеты прорвались к министру обороны на прием, без документов, без всего. К Путину я бы сейчас вряд ли прорвалась, но я бы и с ним без комплексов поговорила. Путин летает на наших движках, дорогой мой! Я бы ему сказала: знаешь, что? Давай спецназначения уберем двигатели. Единственный президент в Израиле летает на самолетах общего пользования. Летай на всех самолетах, какой

поставят — на том и лети. Ты не избранный, ты такой же гражданин, как и мы. Хотя что Путин, что Медведев, нормальные они чуваки. Главное, что не пьют, не курят. ☐

И рождается в яром мате

Стихи по теме читайте на 66-й странице.

На заводе живы как жанр плакаты, стенгазеты, доски почета, грамоты и музеев. Но самое главное — самый двигатель, если обращаться к родной для завода символической системе — это Советы. Совет женщин, Совет ветеранов, Совет физкультуры и Совет молодежи. Состоять можно хоть во всех сразу, не возбраняется

Возбраняется на заводе только опаздывать и халтурить, а в остальном, пожалуй, все для человека. Включая молоко за вредность, развивающие брейнг-ринги, увеселительные мероприятия в ДК и оздоровительные турслеты

Вопросы: Иван Колпаков
Фотографии: Иван Крайнов

Альтернативная история

Несостоявшийся Музей древностей при Пермском государственном университете.

Уже несколько лет директор Музея истории Пермского университета Александр Стабровский пробивает решение о создании Музея древностей при вузе. Чтобы не было путаницы — речь идет вовсе не о палеонтологическом собрании. «Музей пермских древностей» — выставка «про эволюцию» на вокзале Пермь I — сбивает с толку даже знающих людей.

В альтернативный Музей древностей (который Стабровский, впрочем, считает гораздо более законным) должны войти коллекции художественного фонда Музея истории университета. Биография худфон-

да — героическая. В 1916-м при Пермском университете был учрежден Музей древностей и искусств. Его первые хранители на деньги вуза сами приобретали у антикваров египетские и греческие артефакты для собрания — торговались, выписывали чеки, боролись за редкие экспонаты с конкурентами. Коллекция пополнялась и после революции, но, конечно, по-другому: Советская власть обобрала антикваров и перекупщиков, экспроприровала домашние музеи. Кое-что из награбленного перепало и Пермскому университету. Позднее музей уже никак не рос, вскоре его и вовсе закрыли. Вещи в деревянных ящиках и

картонных коробках переезжали с одной кафедры на другую, с факультета на факультет, из здания в здание. Коллекция понесла ощутимые утраты — что-то разбили, что-то украли, концов не сыскать.

В начале 1980-х Стабровский пригласил бывший Музей древностей и искусств в своем Музее истории университета, создав «непрофильный» художественный фонд. Была проведена перепись сохранившегося имущества. Экспонаты попали в научный оборот. В Пермской художественной галерее с большим успехом прошла выставка «От Нила до Понта Эвксинского». Вышел каталог «Утро исторической легенды».

Наконец, в нулевые Александр Стабровский решил, что пора восстанавливать Музей древностей: нашел помещения, заручился поддержкой руководства вуза. Дальше этого дело, увы, не сдвинулось — не хватило денег.

«Журнал Соль» проник в Музей истории университета, чтобы взглянуть на вещи, которые могли бы составить экспозицию несостоявшегося Музея древностей. А Иван Колпаков выяснил у Александра Стабровского, почему университет не хочет передать уникальную коллекцию, например, краеведческому музею — или какому-нибудь другому специализированному учреждению. >>

Александр Стабровский — бессменный (since 1976) директор Музея истории Пермского университета и неутомимый культуртрегер

Арибалл и ойнохоя
Первая четверть VI в. до н. э.
Коринфский стиль
Колл. А. Эльтермана (И. Суручана)

Арибаллический лекиф краснофигурный:
парящий Гений
IV в. до н. э.
Антика
Колл. В. Святловского

— С каким музеем России или мира можно сравнить художественный фонд Музея истории Пермского университета? Чтобы понять, насколько существенна эта коллекция.

— Не совсем этично сравнивать фонды своего музея с фондами других. Но, пожалуй, для полной ясности можно: после петербургского Эрмитажа и московского Музея имени Пушкина наши коллекции древностей в России — на третьем месте. И надо еще иметь в виду, что в 1950-е в местный краеведческий музей была передана наша уникальнейшая коллекция Зеликмана, «пермские боги — звериный стиль».

— Хорошо, что ограничились только «пермскими богами». А увеличивать коллекцию в современных условиях можно?

— Разумеется — именно в современных условиях и могут увеличиваться коллек-

ции: спонсорская и иная добрая воля, дарения — все сегодня возможно — то, что было невозможно в советское время. Ведь именно так

не ради рекламы — ради просвещения. Но я обязуюсь повесить большую латунную доску с именем того, кто поможет нам с музеем.

говоры были. Достаточно вспомнить, что нынешний директор Пермского краевого музея настоятельно просила министра культуры отобрать у университета художественный фонд, мотивируя тем, что, мол, Стабровский умер и экспонаты вузу не нужны.

— Почему важно сохранить худфонд именно в университете?

— Пока я жив — никому не отдам художественный фонд. Уж поверьте, не зря составной частью императорских вузов были музеи древностей и искусств. Это прекрасно понимали в университетах дореволюционной России, да и во многих университетах Старого и Нового Света. Студенты должны видеть артефакты, образцы древних культур и не только изучать, но и воспитывать на них свое художественное мироощущение. Студентам нужен прямой доступ к древностям. >>

Арибаллический лекиф краснофигурный:
Гермес
IV в. до н. э.
Афины
Колл. В. Святловского

и начинался музей. Дарения — значительная часть художественного фонда (а дарители — не только известные купцы П. Досманов, Н. Кропачев, но и профессура — А. Рихтер, В. Сюев и др.). И делалось это

— Вам поступали предложения передать художественный фонд в какой-нибудь специализированный музей?

— Открыто не поступали такие предложения, но раз-

Большая часть художественного фонда хранится в ящиках. Кстати, ящики — тоже музейные экспонаты

Фрагменты амфоры
и лекана с крышкой
IV в. до н. э.
Аттика
Колл. А. Эльтермана
(И. Суручана)

Лекифы чернофигурные
VI в. до н. э.
Аттика
Колл. А. Пальникова

— Очевидно, что коллекции древностей тесно в Музее истории университета; понятно, что она и сама — часть истории вуза, но было бы, кажется, логично представлять ее отдельно. И потом, насколько я понимаю, далеко не вся коллекция сейчас помещается в экспозиции. Есть ли «планы развития» для художественных фондов?

— Конечно, в Музее истории университета очень мало места, основная экспозиция нуждается в значительном расширении, так что пространства для временных экспозиций нет. Но что я могу сделать —

древние артефакты пользуются популярностью, поэтому пришлось в центре зала поставить витрины; скученно, как в антикварном магазине. И это ведь не все. Здесь представлены лишь небольшие фрагменты из коллекций Древнего Египта и античного мира. А художественный фонд нашего музея насчитывает около трех тысяч экспонатов: там и декоративно-прикладное искусство России и Востока, и западноевропейская гравюра (XVI–XX веков). Короче говоря, много всего есть у нас: лет 15 назад два французских профессора полдня провели у меня, приговаривая: «Да у вас малый Британский музей». Это, разумеется,

Герма (ключ)
Бронза
V в. до н. э.
Аттика
Колл. А. Пальникова

шуточное преувеличение, но в каждой шутке есть истина.

Что касается «плана развития»... Люблю я планов громадье. Конечно, планы были, конечно, планы есть. В новом [университетском] корпусе выделено три аудитории — два зала и кабинет-хранилище — для Музея древностей. Но пустуют они до сих пор — античный и древнеегипетский залы, — а прошло уже шесть лет. Нет денег даже на витрины, не говоря уже про оформление помещений. Университет обращался в краевое министерство культуры, там менялись министры, но для нас денег не было; ни прежде, ни сейчас. Зато золотом одаривают московских гастарбайтеров. >>

Кратер краснофигурный: сцена свадьбы Диониса
Конец IV в. до н. э.
Южная Италия, Кампания
Колл. А. Эльтермана (И. Суручана)

Масляные лампы
Керамика
I в. до н. э.
Аттика
Колл. А. Пальникова

— Какие экспонаты из пока несостоявшегося Музея древностей — самые важные?

— Не кажется ли вам, дорогой мой, что перечислять наиболее ценные экспонаты — это составлять заново каталог? Да и для меня они все как родные. Кстати, мы произвели оценку собрания по аукционам — достаточно круглая сумма в у. е. Но никто этого не понимает. Смешно: когда я возил выставку на гастроли в Сыктывкарский университет, она поместилась в коробке из-под водки (а стоила примерно два миллиона долларов). Ручками, ножками, на рейсовом автобусе — 18 часов в пути. Так мы съездили.

— Что будет с коллекциями худфонда дальше? Уверены ли вы, что они останутся в целостности и сохранности?

— Не знаю. Пока сам жив — они будут жить. Впрочем, эти коллекции вытерпели многое: в годы советского безразличия, например, затаились на кафедре всеобщей истории (позднее — новой и новейшей истории). Тогда как аналогич-

ные университетские музеи в других городах канули в Лету. Этим артефактам тысячи лет — что им нынешнее безвременье? Так что я более или менее спокоен за своих «подопечных».

В руках у Стабровского — гутус: греческий сосуд для кормления младенцев, древняя соска. V в. до н. э. Аттика, коллекция Пальникова

— Музей истории ПГУ — не единственный в университете: есть еще геологический, палеонтологический, биологический музей; Ботанический

сад, наконец, который тоже в каком-то смысле является музеем. Вы никогда не хотели объединить музеи университета в единый комплекс?

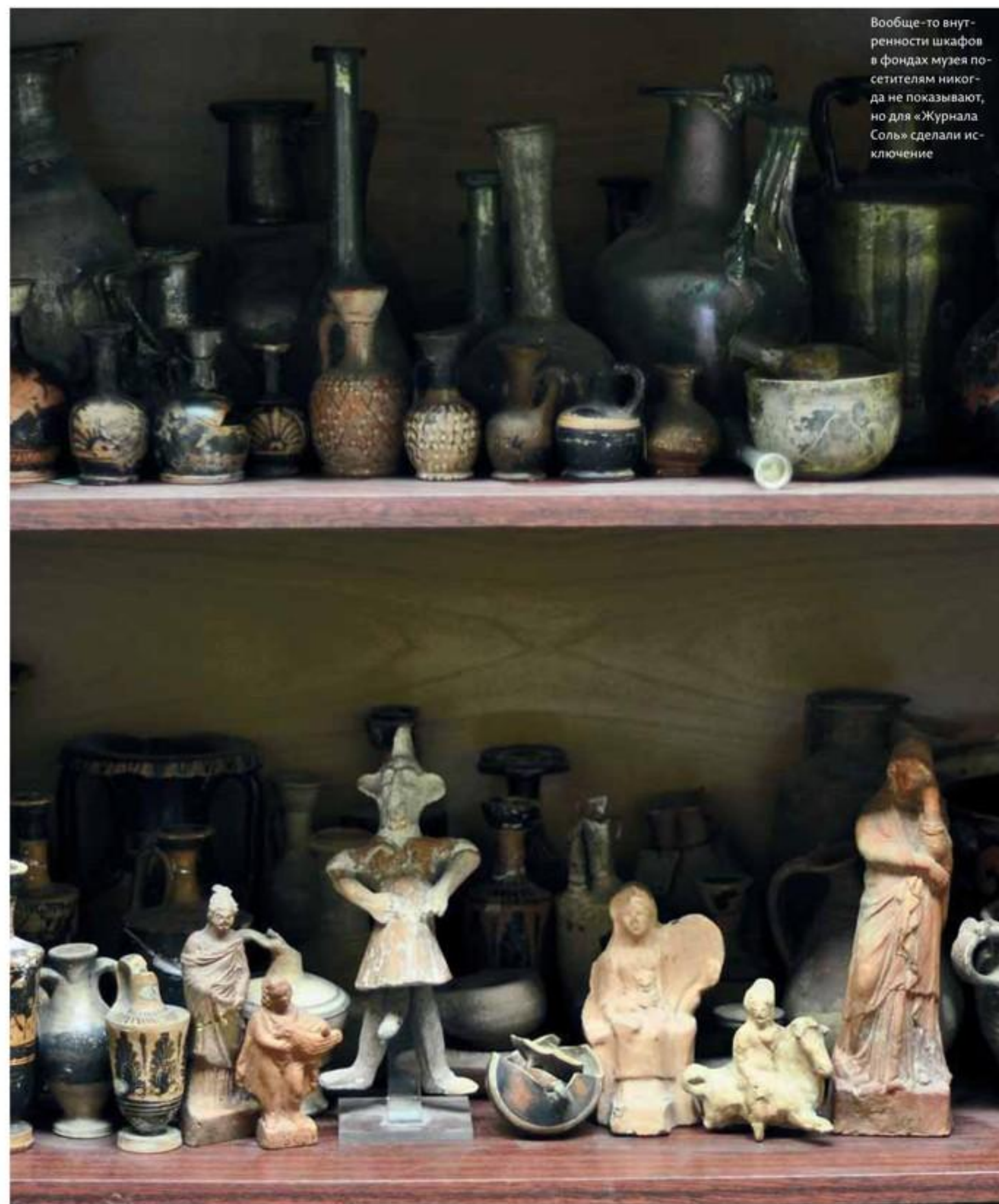
гическом: Минералогический музей. Он интересен не только большим собранием минералов со всего света и особенно — уральских, но и прекрасной коллекцией известного художника Денисова-Уральского, «уральского Фаберже», из-за которой екатеринбуржцы до сих пор кусают локти. На том же факультете — палеонтологический музей и музей пермской системы. На биофаке — два музея: позвоночных и беспозвоночных. На истфаке — археологический музей (к сожалению, он сейчас свернут). Так что у нас семь музеев. А нет, забыл — еще есть музей юстиции (впрочем, это фактически музей прокуратуры) на юрфаке.

Ваш вопрос — соль на раны. Да, с 1981 года, когда был построен Музей истории университета, я пытался свести все музеи под одну крышу. И, несмотря на очень консервативную университетскую публику, мне периодически удавалось сдвинуть с места эту телегу. Но университет не автономен, он под министерством — а там все регламентировано: финансирования нет, помещений нет. В общем, как всегда!

>>

Терракотовые статуэтки
I в. до н. э.
Аттика
Колл. А. Пальникова

Вообще-то внутренности шкафов в фондах музея посетителям никогда не показывают, но для «Журнала Соль» сделали исключение

Античное выдувное стекло
I-II вв. н. э.
Александрия
Колл. А. Зальтермана (И. Суручана)

А смысл, конечно, в едином комплексе существует: это было бы мощное культурно-просветительское объединение. Во-первых. А, во-вторых, был бы настоящий музей: к сожалению, прекрасные специалисты в биологии и минералогии не слишком хорошо представляют себе музейную работу.

— У меня есть ощущение, что Музей истории университета гораздо более современный, чем многие другие пермские и российские музеи — ну вот он, например, сугубо интерактивный: студенты работают с экспонатами, и это далеко не всегда научная деятельность — скорее, искомый игровой способ получения знаний,

о котором говорят идеологи новых музеев. Вы как думаете, насколько современен Музей истории университета — по духу? И что бы вы сделали, будь у вас неограниченные возможности для его развития?

— Да, несмотря на то что музею уже почти 30 лет (экспозиция открыта в 1981-м), все, кто приходит в него, говорят — это настоящий музей, тут прошлое действительно живет, а не складывается. В каком-нибудь супер-пупер-современном музее, где полно техники, электроники и прочих технологических новшеств, как правило, жизни нет. Мне самому там скучно, пять-десять минут погуляю, посмотрю на аттракционы и начинаю зевать.

Пелика краснофигурная
IV в. до н. э.
Керченский стиль
Антика
Колл. А. Зальтермана
(И. Суручана)

На музейную практику я беру немного студентов — и они ведь в очередь записываются ко мне, потому что слухами земля полнится. Да, они работают непосредственно с артефактами, попутно я читаю лекции. И если первые занятия проходят напряженно, то потом они настолько втягиваются в процесс, что по окончании практики не хотят уходить. И многие помогают в организации выставок — именно потому, что понравилось работать с материалом. Будь у меня возможности, музей стал бы центром притяжения в университете, да и не только — в городе. Как показывает практика, в музей идут неохотно, а уходить не хотят: даже вот из такого маленького, несовершенного. ■

Текст: Павел Латышев

Фотографии и иллюстрации: проект «Культурный альянс. Пермь — Санкт-Петербург», Евгений Трушков

Мускулы красных человечков

В Петербурге в середине ноября 2010-го состоятся «Дни пермской культуры» — лучшее, любимое, только для вас: новая культурная столица России играет мускулами. «Журнал Соль» изучил программу «дней» — и составил по ней самый короткий путеводитель, какой только можно себе представить.

С одной стороны, современный пермяк ощущает всю тяжесть свалившегося на него величия, то есть ненавидит всю эту «культурную революцию». С другой стороны, встречаясь с жителем другого города, все же гордится происходящим на своей малой родине. Такое же чувство, наверное, испытывает маленький мальчик, хвастаясь перед одноклассниками сломанной рукой.

В середине ноября свой редкий дар (а кто-то скажет — болезнь) пермяки покажут в Санкт-Петербурге. С 9-го по 20-е в старой культурной столице России будут демонстрировать достижения новой культурной столицы (к сожалению, этот пассаж придумал не автор текста, а кто-то из числа восторженных сотрудников пермского минкультуры). Проект «Культурный альянс. Пермь — Санкт-Петербург» включает в себя девять спектаклей, полдюжины выставок плюс гастроли гигантских Red People («красных человечков») в Центре им. Курехина. Чтобы соблюсти точность и никого не обидеть, имеет смысл перечислить все события масштабного «чёса». Снабдив их по-твиттеровски краткими замечаниями.

«Красные человечки» уехали, законодательное собрание осталось

Один день Ивана Денисовича

Опера по Солженицыну, в которой хор в ватниках поет, в частности, такое: «Кум — по-лагерному — оперуполномоченный... БУР — барак усиленного режима...»

Христос

Духовная опера Антона Рубинштейна, которая более века считалась утраченной. Нашел ее правнук Рубинштейна Антон Шароев.

Отторжение

Современный балет; спектакль-лауреат «Золотой маски» 2009 года в двух номинациях.

Вальсы для помутненных рассудком

Балет на музыку Вальдтейфеля. Поставлен Евгением Панфиловым в 1991-м и восстановлен в 2004-м после трагической смерти хореографа.

Жизнь Человека

«Арт-опера» по пьесе Леонида Андреева в постановке пермского министра культуры Бориса Мильграма на музыку композитора Владимира Чекасова.

Доктор Живаго

«Музыкальная фантазия», а на самом деле мюзикл по роману Пастернака. Действие произведения происходит в Юрятине, прототипом которого выступила Пермь.

Вера Павлова. Стихи о любви

Хороший спектакль по хорошим стихотворениям современной поэтессы.

Коммуниканты

Спектакль о депутате в сауне, которого губит стихия власти во всем своем канцелярском ужасе.

Чукчи

Драма-метафора про чукчей, в которых легко узнать другой народ. Тот, что живет западнее Чукотки и восточнее Финляндии.

Дети Выдры

Тувинские шаманы «Хуун-Хуур-Ту», ансамбль современной музыки Opus Posth и академический хор «Млада». Рассказывают историю на основе «сверхповестей» Велимира Хлебникова («Дети Выдры» и «Зангези»).

Видение

Выставка видеоарта, объединяющая западных классиков, признанных российских мастеров и молодежь.

Экспедиция

Пермские художники Михаил Павлюкович и Ольга Субботина со своим вариантом русского бедного искусства.

Выбор Перми и Санкт-Петербурга

Классик соцреализма Александр Меламид создал на основе соцопроса пермяков и петербуржцев по две картины — «наилучшей» и «наихудшей».

Портреты неизвестных

Фотографии занимательных чужаков, а также стариков из бывшего СССР, которые мечтают наладить свою личную жизнь в Европе через Интернет.

Пермский вариант футуризма как знак всемирной динамики

Выставка работ футуриста Петра Субботина-Пермяка, который прославился бы, как Маяковский, если бы не уехал в Кудымкар.

Я люблю П

Выставка: 200 способов применения нового пермского символа — красной «П».

Red People

Монументы от питерской группы Rprofessors, которых не взлюбили пермские депутаты.

К этому списку стоит добавить выставку Дмитрия Врубеля и Виктории Тимофеевой «Евангельский проект» и концерт пермского «репера» Сявы. Оба этих события были в первом варианте программы дней пермской культуры в Санкт-Петербурге, однако городской комитет по культуре не утвердил их. Так что и полотна Врубеля, и неистовый Сява поедут в Петербург «дикарями»: самостоятельно, без поддержки «Культурного альянса». ■

Текст: Владислав Горин
Фотография: Алексей Гущин

Деревянная свадьба

В середине декабря 2010-го (дата еще уточняется) в Москве состоятся торжества, посвященные пятилетию Пермского края: в 2005-м Пермская область и Коми-Пермяцкий округ слились в единый субъект Федерации. Ждали большого «парада объединений», подобного «параду суверенитетов», но немногие повторили пермский опыт. Ожидается, что в честь памятной даты на малой сцене театра им. Станиславского покажут спектакль-победитель Фестиваля театров малых городов — комедию «Уйди-уйди» Коми-пермяцкого драматического театра (Кудымкар, Пермский край). «На высылках, на краю города, на краю жизни, на последнем этаже пятиэтажки, что напротив военного городка, живут Людмила, ее дочь Анжелика, ее мама Марксина и ее бабушка Энгельсина. К Людмиле, давшей брачное объявление в газете, приезжает знакомиться Валентин. В честь него и устраивается застолье, на которое собираются все обитатели квартиры, а также жених Анжелики, солдат срочной службы Евгений. Во время застолья, как всегда, и начинается «разборка» — кто и зачем тут за столом собрался...» — сообщается в аннотации к спектаклю. ■

Стихи: Андрей Родионов

Много кто хочет повелевать земным шариком

* * *

* * *

ах милая там ждет меня
среди листьев зелено-бурых
которые страшненько так звенят
во время осенней бури

ах милая там меня ждет
в доме каменном в переулке
который кривенько так идет
кто так шагает гулко

масти темной его коня
свидетели черные стекла
витрин за которыми ни огня
ни искорки даже блеклой

ночь всю тяжкие миражи
трезвеющего сознания
нависли черные этажи
аквариумов где пираньи

невидимые при свете дня
невидимые и ночью
ах милая там ждет меня
за скважиною замочной

не напугает тьмой меня
лестничная площадка
ведь искорка божеского огня
здесь тихого счастья лампадка

иду к тебе пусть пока еще
душа у меня больная
так он шептал а куда он шел
никто уже не узнает

«ВИКА ЧМО!» и «ВИКА СУКА!»
на стене суровый клич
краской красною накупил
лба широкого кирпич

для чего худые толки?
кто сегодня с ней вдвоем
в эти страшные проулки
на райончик, на раён

эх, какая, право, боль –
ниже – надпись – «ЭТО ПРАВДА»
это Вика написала
своей кровью голубой

Песенка про конец поэзии

девочка та, что верила
и чужими словами увлечена
еще предплечий нежными венами
меня обнимает моя страна

но полоснуло лезвие острое
по самой пульсирующей строфе
вот уже поэт в деваностые
просто человек что-то орущий в кафе

словно откинув со лба волосы
девочка тебе твердо и просто
говорит полуотвернувшись в полголоса
пожалуйста, не юродствуй

и заглядевшись на типа
из «криминального чтива» 94 года
она уже зажигалкой зиппа
щелкает: что это – усталость или мода?

она говорит: я должна забыться
мне хочется, чтобы стало тихо
а столица лежит как засохшая пицца
в полиэтиленовом пакете бомжихи

она говорит: мне больно, больно
с виска вспотевшего от дождя летнего
уносит в переулочек первопрестольной
легкий пух одуванчика бледного

* * *

женское пульсирует нежное, чувствуй
в ее теле добром мягком
так говорил он зловещим утром
полный черным ядом, смертельным ядом

пошли в кино – это было необычно
не в кабак, не в надоевшую тусовку злую
задумал он тайное самоубийство
в кинотеатре на местах для поцелуев

для этого таблеток купил содержащих
тайную радость – чтоб умереть с удовольствием
и водку – отвратительную как жалость
к себе самому, всегда ему свойственную

а ведь речь не о нем – но надо ж
ситуацию обрисовать, чтоб понятно
было то, что теперь как ты знаешь
он полон был черным смертельным ядом

дай попробовать мне таблеточек –
первый раз, хоть и не знала она о цели
и хоть это странная речь для девочек –
на ешь! и начался фильм, главный фильм недели

начало ее переть очень сильно
и водку еще она пьет – как в романе «Елтышевы» Романа Сенчина
вдруг видит перед собою группу рабочих в блузах синих
и те рабочие кричат: фосфорическая женщина! фосфорическая женщина!

где она моя тихая душа котёночья?
почему все вокруг глазами наивными зыркали,
почему в красных косынках полноватые телочки
а широколобые парни с кувалдами и штангенциркулями

замечательно! оптимистично! разумно!
выкрикивают все или шепчутся
сегодня в будущий коммунистический улей
самых лучших из нас возьмет фосфорическая женщина

какой позитив! думает моя милая, а вслух –
я посланец института истории всего прикольного
ты и ты идешь со мной, и этих двух
и тебя, если ты меня своим циркулем не уколешь

Переездательство

Для публикации стихов Андрея Родионова есть целых два повода. Во-первых, в октябре 2010-го издательство «Новое литературное обозрение» выпустило очередную книгу (как пишут в аннотациях) «мастера психоделической баллады». Книга называется «Новая драматургия», и это, по всей видимости, шутка, пояснение которой заняло бы целую страницу. Во-вторых, что более неожиданно, осенью Родионов переехал в Пермь: отныне он работает в Музее современного искусства PERMM. «Журнал Соль» представляет читателям подборку новейших стихов одного из лучших российских поэтов нулевых.

* * *

Побеждает закон, скачет зайчик
стоят в тундре большие корпуса заводов
тянутся к ним провода, вот сарайчик
среди талой воды, ветер дует на воду

при виде этого — с отвалившейся стеной
глядящегося в натаившую лужицу
каплями по куртке погода весной
ласкает, любить меня — глупости, глупости

хищник с раненным кожаным крылом
глядится в сердце девочки тайное,
ее сердце зеркало тайный водоем
все увеличивающийся от весеннего таяния

гнусный сарай с одной отвалившейся стеной,
среди комбинатов и труб рев и визг
этот ковчег плохо строил Ной
этот ковчег для тебя, Норильск

этот демон — печальное зло,
некрашенный, возможно неструганный
уже не определить, кто ранил кожаное крыло,
но серый взгляд у хищника испуганный

взгляд серых испуганных глаз
он все еще готов к действию
но бесполезно течет, как газ,
как электричество к сердцу девочки

а это возмездие, как написал бы Блок,
дух-изгнанник, как написал бы Лермонтов
но все еще
трубы, провода, газ, электрический ток,
комбинаты, заводы — развалюхе не соперники

полярного лета ему тревожен приход
его полярной для индустриальной местности внешности
а у вас тут на раёне еще продают терпинкод? —
шепчет чудовище девочке с нежностью

старый сон ему приятнее новых красот,
но почему девочки нуждаются в хищниках
никто не объяснит, никто не поймет
тут что-то субъективное личное личное

нужен Пушкин, но тут Пушкина нет,
Пушкина с его в воздух выстрелом
в мае
все еще можно замерзнуть, если упасть в снег
все еще можно влюбиться, бессмысленно, бессмысленно

* * *

от этой темы пахнущей дурно
поэтов прошибает холодный пот
терпинкодная мафия в государственной думе
не разрешает запрещать терпинкод

рейтинг таблеток в тройке топовых
с боярышником и активным углем
смотрите, вон парень в аптеку топает,
государственная дума наживает на нем

он словно зал игровых автоматов
чужою дуростью подпитывался
но вот зал закрыли — его соматика
награждает психической инвалидностью

и он уходит в термитные рощи
муравейников-рефрижераторов кварталы
темно в душе и ищешь на ощупь
веселых всадников Великой Тартарии

и если сначала казалось странно
что книги людям как пятые ноги
что только серьезные психотравмы
делают жизнь интересней немного

то после сделалось нытье наркотиком
и жаловаться на жизнь (все равно все потонем)
кормление добреньким терпинкодиком
ежедневное требование дрожащей ладони

тут скажут мне, что моя история
неконкретна, неприятна, извод барачной темы
про тех, кто напившись таблеток стонет,
чтоб жизнь изменить ничего не делает

кто со стершимся из памяти друзей именем
никогда не поддакивает своим товарищам
да, моя история об этом именно
о неприятных дураках всех вокруг подозревающих

терпинкодовые лобби тихонько шепчутся
ветерок срыгает с деревьев листву
пока одну женщину не представят другой женщине
их друг для друга не существу

* * *

я увидел в Норильске город старый
фантастически страшный город древний
под черной скалою, под пылью ржавой
брошенный город, где воздух вредный

мне показалось — я в разрушенном Питере, даже
вспомнил слова — «Петербургу быть пусту»
передо мной была копия здания Эрмитажа
но окна с побитыми стеклами и не горят нигде люстры

это не письменно, это устно,
так говорил мне жуткий дворец, мой учитель,
дальше — пустая ржавая консервная улица
и белая полярная ночь, учтите

должно быть, в Норильске работали архитекторы,
которых арестовали в Ленинграде,
должно быть, это были люди из тех, которые
сохраняют чувство юмора в глаза смерти глядя

должно быть начальство хотело жить во дворце,
наверное здесь и балы и приемы бывали
а я варюсь теперь в этом каменном холодце
как анимационный робот Валли

о чем бы вы хотели со мной поговорить?
я только что приехал с Мемориала
там ветер, снег и с трудом можно закурить,
всю ночь ездят желтые самосвалы

я гуляю всю ночь, ночь белеет не зря
вспоминаю книгу местного журналиста о норильских при-
родных богатствах
из которой неясно, где здесь были лагеря
я вспоминаю фильм Бондарчука по Стругацким

из этого фильма ясно, что в космосе у нас есть друг
когда я окончательно сопьюсь, он поставит мне капельницу,
потерпи пока, говорят мне Стругацкие и Бондарчук,
пока полезные ископаемые еще откапываются

но у меня улыбка страшная и злая,
и во рту у меня зубы, словно улица старого Норильска,
я пою сквозь встречный ветер, и вам кажется, что я лаю
о последней последней войне третьей, римской

А н д р е й
Р о д и о н о в

Москва — Пермь

Поэт

* * *

много кто хочет повелевать земным шариком
стать князем или царем этого всего
но мало кто знает — такую шнягою
хочет владеть лишь полное чмо

циничный этот король будущего
властелин всей планеты давным-давно зимой
запил, превратился в овощ пукающий,
который бегать поливать в континент седьмой

и девочка бегала эмушка славная
но недели через две взроптала — и запой
остановился, но выпить — главное
выпить и чтобы с седьмого на восьмой

у беленькой пятиэтажечки блочной
которая с кривоноженькими березками сливается
его останки нашли только
четырнадцать лет спустя в канализации
сливается
куда вода из-под роз и другой контент
в люке забытом посреди забытой улицы
он ушел за водкой в седьмой континент
его опознали по серебряным пуговицам

до того как привезли останки в морг,
представь моя милая, как ты спишь,
его лицо в хороводе кривляющихся морд
«мне пора на погост, малыш»

«малыш» — его обычное ласковое обращение,
когда останки похоронили, ночью заснула она лишь,
он подошел к ней и сказал со смущением
«у меня мерзнут ноги, малыш»

она этот сон смотрела несколько раз внимательно,
после — велела поискать еще в канализации,
когда это место обыскали более тщательно
нашли еще кости, которые когда-то
были ног пальцами

она их тоже похоронила,
снов больше не было, эмушка, в рукемышь,
стоят пятиэтаженьки белянки милые
черные тополи выше их крыш

в коричневых листьях вязнут прохожих ботинки
идущих мимо заборов с выдранными глазницами лиц с афиш
теперь прошепчу из-под холмика могилки
«мои ноги больше не мерзнут, малыш»

никаких удовольствий, ни больших ни малых
ни гашиш не мил, ни филе-о-фиш
то что тень на прощание прошептала
означает — не беспокойся, теперь все в порядке, малыш

Стихи: Борис Ермолаев, Геннадий Семенов, Иван Сухарев, Сергей Петров

И рождается в яром мате стимулирующий задор

В термичке

Каждый раз, миновав проходные,
В цех ступая, термист вспоминал,
Как три года назад он впервые
В коллектив этот дружный попал.

Часто дверцы печей открывались.
Жар стоял нестерпимый вокруг.
Все диковинным, страшным казалось,
Новичку нагоняя испуг.

«Ничего, паренек, не пугайся.
Каждый так в этот цех попадал.
Будь внимателен, больше старайся...» —
Так учитель ему объяснял.

Время шло, паренек обучался.
Постепенно он все познавал,
В этом цехе в труде закалялся,
Как в воде раскаленный металл.

Борис
Ермолаев

Ведущий специалист
отдела главного
металлурга

Песня о заводе

По-над Камой-рекой
На восход и закат
Покорять мировые широты —
Это наши летят!
Это наши летят!
Это наши летят самолеты!

Мы рабочей рукой
Направляем полет,
Чтобы мотору с дороги не сбиться...
Это сердце поет!
Это сердце поет!
То ликует крылатая птица.

В наших светлых цехах —
И везде, и всегда —
Несмолкаема песня работы.
Это наша мечта!
Это наша мечта!
Поднимать в небеса самолеты!

* * *

Не вальсы Штрауса, а музыка гудка
Меня будила утром рано.
И солнца вседержавная рука
День выводила из тумана.

Мы с ним встречались возле проходной.
Спешил я в цех, а солнце — вдалеке зенита.
И жизни не хотелось мне иной,
Она трудом была лишь знаменита.

Пусть время наше не считают за провал.
Иных времен его не затуманить далью...
Я вальсы Шуберта любовно напевал
Над каждой изготовленной деталью.

Пермский стихотворный завод

Мы, видимо, живем в эпоху индустриального ренессанса. Творческие люди из самых разных сфер вспомнили вдруг, что завод может быть источником вдохновения. Музыканты играют индустриал, цеха бывших заводов заполнили фестивали и выставки современного искусства, фотографы снимают на «Ломо» ржавые заборы и торчащие трубы, режиссеры-документалисты готовят серию фильмов с общим заголовком «Я — рабочий!». Пора бы уже пережить второе рождение и производственной лирике. То есть заводской поэзии. Тем более что пишут же люди! «Журнал Соль» представляет подборку стихов, написанных рабочими «Пермского моторного завода» — в лучших традициях советских од производству. Современный пролетарий, как оказалось, помнит, что это такое — славить родной цех, лихо рифмуя «слесарей десант» и «мощный пресс-гигант».

Рабочего класса сыны

Нас называли фабзайцами.
Мы задумывались над словами.
И не хотели быть зайцами,
А хотели мы быть орлами.

Только нам не хватало хватки,
И, заполнить пробел стремясь,
Мы, заткнув за ремень тетрадки,
Над станками потели властью.

А уж если пришла удача,
А уж если деталь не брак,
Мы орали: «Толково! Значит,
Мы тут, в цехе, не кое-как!»

А с работы шагали — тронь-ка!
Нас храбрее и проворнее нет!
И казалось, что все девчонки
Восхищенно глядят нам вслед.

В эти дни я встречаю часто
Вас, кто носит в петлицах ТУ,
И завидую вам, горластым,
Перенявшим мою мечту.

И мне хочется крикнуть: «Парни!
Выше голову, пацаны!
Вы бойцы величайшей армии!
Вы рабочего класса сыны!»

Геннадий
Семенов

Токарь-универсал

Авиадвигателю – 70!

Плывет Кама-матушка важно,
Уральские воды несет,
А в небе моторы отважно
Вершат свой высокий полет.

Ласкают нам слух воды нежно,
Река мелодично поет.
Всю летопись в песнях прилежно
О наших победах ведет.

Сегодня нам память напела,
Как встала страна на крыло.
Взмывали бипланы ввысь смело,
Влюбленные в небо одно.

И слава Союз, многорядный,
Нес к звездам шведовский мотор.
Две звездочки высшей наградой
Упали с небес на погон.

По-рыцарски в небе держали
Смертельный удар, лобовой...
Моторы врага побеждали,
И борт украшали звездой.

Пилотам всем «Аннушка» снится,
Мотор ее стрункой звенит.
И сердце влюбленно стучится –
Их снова любовь окрылит.

Все выше машины стремились
В изящной своей красоте.
Аккорды моторов сменились –
Звучат на другой высоте.

Высокой звездой Соловьева
Украсился наш небосклон.
Моторы надежные снова,
С машиной поют в унисон.

В защиту России вклад важен,
Мотор совершенства достиг.
Надежен, силен и прекрасен
В полете стремительный МиГ.

Плывет Кама-матушка плавно
И новые песни поет.
А сердце поет нам о главном:
«Нас в семьдесят ждет новый взлет!»

Иван
Сухарев

Ведущий инженер
отдела эксплуатации

Слесарь

Шестиметровый мощный пресс – гигант –
Заключил вмиг – давления не стало.
Времен послевоенных экспонат
Давленья не дает – полцеха «встало».

Начальство, как всегда, – на слесарей
(Ремонтникам всегда тычки да шишки):
Зазря, мол, держим столько лодырей!
А слесарь-то – один! И тот – мальчишка!

На два размера роба шире плеч –
Вздохнешь невольно, на салагу глядя.
А он по-деловому: «Масла течь!
Манжет и сальник сменим – и отладим!»

И часа не прошло – разобран пресс:
Шток да цилиндр, да поршень с кучей гаек.
У работяг законный интерес:
«Эт сколько ж дров бедняга наломает!»

...К обеду прибыл слесарей «десант» –
С другого цеха сборная бригада.
Шестиметровый мощный пресс-гигант
Подфыркнул поршнем: «Помощи не надо!»

Стоял парнишка – в масле все штаны.
Но за полсмены так в плечах раздался
И до такой поدرس величины,
Что пресс-гигант малюсеньким казался.

Утром встанешь – опять забота:
На работу идти в завод.
Проходная, как пасть кашалота,
Поглощает с утра народ.

Целый день то ремонт, то настройка –
Только катится градом пот.
Заводское радио бойко
Деловой разговор ведет.

Пьяный токарь скандал закатит,
Зампотех слесарей – на ковер.
И рождается в яром мате
Стимулирующий задор.

Стихнут шумы станков и прессов,
Робы в шкафчик. Душа чиста.
А теперь для снятия стресса
Можно выпить в пределах «ста». ☐

Сергей
Петров

Слесарь-ремонтник

Вопросы: Екатерина Князева
Фотографии: Денис Григорьев

Модные люди

«Десять лет назад мама мне всегда покупала одежду на несколько размеров больше. Тогда я носил все монотонное и неинтересное, но потом понял, что надо иметь свое мнение. Я так подвержен моде, что могу в минус два выйти в пиджаке только потому, что это модно! Есть разная мода в Москве и в Перми. Пермьки стремятся больше к европейскому виду, к парижскому шику. Москвичи же одеваются в клубном развязном стиле. Да взять того же Тимати!»

Света, 19 лет

Куртка — Mango
Кофта — Incity
Леггинсы — Befree
Обувь — Adidas
Платок — H&M

«Одежду в основном покупаю в гипермаркете «Семья» или магазине Mango. В Москве люди одеваются лучше — у нас выбор магазинов невелик».

Алексей, 19 лет

Все — Young
Обувь — из магазина «Тортила»

«Это сейчас у меня такой стиль, а вот десять лет назад одевался классически! В костюме, в школу. Типа того».

Ольга, 26 лет

Пальто, майка — Zara
Джинсы — Diesel
Обувь — Hello Kitty
Сумка — «типа Valentino»

«Одежду покупаю за границей, либо в бутиках Diesel и Hello Kitty. Модники Перми от московских не отличаются ничем, просто их меньше».

Алена,
18 лет

«Я названия отделов, в которых покупаю одежду, не запоминаю. Вот сумочка у меня от Avon. Раньше, помню, было модно всякие штаны — зеленые, розовые».

Алексей, 20 лет

Куртка, штаны и шапка — из магазина «Переворот»
Кроссовки — eBay
Шарф — «с символикой ФК Chelsea»

«В детстве я за Chelsea не болел и, следовательно, шарфика такого у меня не было. Ну и одежды было несколько меньше, и не такая броская. Единственное, чего я не понимаю, — это шапочки на затылках, которые носят молодые люди определенного круга. Вообще я видел, что так шапки грузчики носят».

Настя, 15 лет

Куртка — Camelot
Джинсы — New Yorker
Кроссовки — Reflex
Шапка — «ей уже 15 лет, я ее у бабушки отобрала»
Сумка — New Yorker

«Люблю одеваться в гипермаркете «Семья». Московская мода в принципе ничем не отличается от пермской, только вещи там дороже».

Лера, 17 лет

Пальто — OGGI
Джинсы — «из Италии тетя привезла»
Обувь — Reebok
Сумка — Extra

«В младших классах, помню, носила розовые платья. Но я поняла, что с меня этих платьев достаточно, поэтому переобулась в кеды и стала чаще носить джинсы».

Андрей, 23 года

Пуховик и джинсы — Energie
Обувь — Supra
Сумка — Paul Smith

«Обычно я одеваюсь за границей, а тут решил прикупить одежду в Energie. А когда мне было 10-12 лет, я одевался в Перми на центральном рынке. О табу: я никогда бы не надел костюм Спанч Боба, даже на Хэллоуин. А вот костюм Бората — у нас в офисе есть такой, и когда в компании появляется новый сотрудник, мы на него этот костюм надеваем».

Валерия, 17 лет

Куртка — Billabong
Джинсы — Levi's
Обувь — DC
Рюкзак — Salomon

Наташа, 17 лет

Куртка — Savage
Толстовка — Burton
Джинсы — Colins
Обувь — Reflex
Шапка — Dakine
Рюкзак — Camelot

«Мы готовы надеть вечерние платья, если того требуют обстоятельства. Один раз, в принципе, можно. Но мы такое не носим, потому что платья — это неудобно и не соответствует нашему образу жизни».

Наташа, 22 года

Пальто — Benetton
Леггинсы — Sela
Сапоги — «Дисконт-Центр»
Шапка — Benetton
Сумка — Mango

«Я всегда любила немножко выпендренные вещи, в детстве особенно: футболки с динозавриками, например».

Антон, 26 лет

Куртка — AVVA
Кофта, джинсы — Diesel
Обувь — Lacoste

«Покупаю одежду на китайском рынке. А вообще я за модой не слежу, поэтому не знаю особенностей пермского стиля».

Роза, 18 лет

Куртка — «там сзади что-то написано, не разобрать»
Футболка — OGGI
Леггинсы — Concept Club
Обувь — «не знаю, надписи стерлись»
Шарфик — «мамин»
Сумка — «а черт ее знает»
Ремень — OGGI
Браслет — MaxMara

«Мне нравится одежда в Concept Club. Там ее и покупаю в основном. Пермские боятся экспериментировать со своими образами. А москвичи они такие — более стильные ребята».

Саша, 21 год

Куртка — Class
Платье — Motivi
Обувь — «покупала в Италии»
Шарф — H&M
Сумка — Beverly Hills Polo Club

«Любимый магазин H&M — там одежду и покупаю. Московские модники эклектичны. В Перми такого нет».

Александр,
58 лет

Пальто — «купил где-то в «Семье»
Свитер — «жена подарила»
Штаны — «из «Семьи»
Обувь — «а черт ее знает, на липучках — удобно!»
Шарфик — «купил в «Столице»

«Одежду покупаю в пермских магазинах, не важно в каких. В Перми целая проблема с покупкой одежды. Вот Москва: там и выбор богаче, и шмотки дешевле. А у нас зайдешь в магазин — и что? Одежда больше похожа на похоронное бюро: все черное. Иногда, правда, рубашки белые встречаются. А мне, например, к старости хочется чего-нибудь повеселее».

Вопросы: Андрей Ковалев
Фотографии: Алексей Гущин, Александр Казанцев

Художники в XX веке занимались дурью

Искусствовед и художественный критик Андрей Ковалев читает лекцию о современном искусстве, отвечая попутно на два главных вопроса, которые мучают всех: «Что хотел сказать автор?» и «Почему арт-объекты такие страшные?»

«Этакое воплощение

студьности!» Определимся с тем, что такое модернизм. Из «Википедии» вы узнаете, что он начался в 60-е годы XVIII века и продолжался вплоть до середины XIX века. Хотя необходимо отметить, что точные хронологические рамки определить практически нереально. Здесь речь идет о хронологии Европейской цивилизации. Не стоит забывать, что русский модерн — это нечто другое. Русский модерн — это конкретно исторический стиль. Это все уже вторичный модернизм. Главный вопрос в том, когда начинается современность.

Современность появилась, скажем так, на Ипре, во вре-

Андрей Ковалев — один из создателей «новой русской арт-критики», автор книг «Российский акционизм» и «Критические дни. 68 введений в современное искусство»

мя Первой мировой войны. Именно здесь схлестнулись в смертельной схватке народы Европы, и современность началась лязганьем танков и применением отравляющих

газов. И оказалось, что Жюль Верн, воспевший в XIX веке технологию, ошибся. Она выродилась в страшные танки и газы, а не в романтические чаяния писателя.

Что касается искусства, то современность в искусстве начинается с дадаистов. Возникает ощущение, что творчество и вдохновение становятся банальными вещами. Главным становится шокирование публики. И вот известный музей покупает произведение в виде баночки, на которой написано, мягко говоря, «фекалии художника». Когда приходит время объект реставрировать, сотрудники галереи Тэйт самым аккуратным образом вскрывают баночку, а там — гипс. Они даже проверили. Собственно, на этом можно было бы и закончить характеристику современного искусства, но мы пойдем дальше. >>

Открытый университет

Интернет-газета «Соль» решила позаботиться о тех, кто не прочь присутствовать на лекциях специалистов из разных областей, но кому не с руки тратить время на поиск — лекторов, мероприятий, дат и явочных адресов (выбор-то огромный, понятен). Есть рациональное предложение: ликбез от лучших теоретиков и практиков, выступающих с лекциями в российских городах в режиме он-лайн. «Соль» отлавливает лекторов, конспектирует за ними и публикует ударные выдержки. Вы получаете оперативный и регулярный доступ пусть не к телу эксперта, но к материалу, причем сразу в оптимальной дозировке. В общем, договор честный и простой: от нас — тщательный мониторинг и взвешенная селекция, от вас — минимум прогулов.

«Журнал Соль» представляет проект «Открытый университет» лекцией арт-критика Андрея Ковалева. Другие лекции — дизайнера Игоря Гуровича, бывшего замминистра энергетики России Владимира Милова, художника Флорентина Хофмана, продюсера Эдуарда Боякова, директора Музея современного искусства в Турине Даниэло Эккера и прочих профессионалов — читайте на сайте <http://saltt.ru>.

Александр
Косолапов
«Страна
Малевича»

1986, холст,
масло
133 x 178 см
Частное
собрание

Искусство постепенно стало всеобщим. Но для этого потребовалось средство массовой информации — газета, которая только в начале XX века действительно стала массовой. И люди от искусства стали этим активно пользоваться.

Еще раз должен сообщить, что художники на протяжении XX века занимались всякой дурью. Все этим грешили, достаточно посмотреть на работы сюрреалистов. Но это была не просто развлекуха, под это подводилась некая база, и, главное, под это готовилось общественное мнение.

Появился вопрос о вопросе — что такое искусство, что считать картиной и так далее. И если мы попытаемся разобратся с ними, то рискуем попасть в плен к различным логическим законам. Речь в данном случае идет о самой возможности существования художественного образа. Этот вопрос пронизывает все современное искусство — образ картины и вопрос, который она задает зрителю. Например, инсталляция Йозефа Кошута «Стул» 1965 года. Мы видим стул, фотографию стула и статью из Британской энциклопедии «Стул». Этакое воплощение стульности! Вот и все, что хотел сказать автор.

«Процесс производства арт-объекта становится важнее результата». Интересны внутренние закономерности, которые возникают на протяжении всего XX века в искусстве. Постоянно возникала масса замечательных пересечений. Возьмем произведения французского кубиста Марселя Дюшана и сравним их с русскими кубистами. Они друг друга не знали как минимум до 1910 года. А произведения создавали похожие. Как-то это получается непонятно.

С другой стороны, появилось желание сделать арт-объект максимально настоящим. Есть такое произведение — «Вешалка для одежды». Перед нами вешалка в виде девушки, и девушка эта настоящая. Получилось так, что в своем стремлении к сюрреализму художники абсолютно интуитивно изобретали новые художественные формы.

В 1959 году в СССР случилась американская выставка. И люди просто были в шоке от того, что существует еще и такое искусство. Вы только представьте, что значит для советского человека увидеть работы, скажем, Джексона Поллока! Это сильное впечатление! И сразу появились последователи.

Опыт начал мигрировать, передаваться. Правда, у нас использовали больше пылесос, а не огонь, так как наши художники вместо мастерской теснились на кухне.

Джексон Поллок рисует «№27»: тот случай, когда «мазня» не кажется обидным словом

Начиная с Поллока процесс производства арт-объекта становится в значительной степени важнее результата. Фактически, сам результат деятельности Поллока отвергли, но переняли его технологию, его жест.

В данном ключе интересна история с русскими супрематистами. До большой выставки 1972 года они оставались неиз-

вестными миру — их картины были известны только по маленьким журнальным иллюстрациям. И тогда, опираясь на творчество Малевича и других, взяли и придумали стиль

минимализм. Просто договорились, что искусство должно быть абсолютно банальным и абсолютно пустым, лишенным какой бы то ни было лирики. А когда в 1972 году они увидели выставку русского авангарда, то пришли от него в ужас. Картины были, по их мнению, грубыми, брутальными, неграциозными, кривыми и косы-

ми. То есть абсолютно ничего похожего на минимализм.

История очень любит такие проделки. Точно так же, когда начинался русский рок, наши музыканты, опираясь на фотографии, принимали статичные позы — то одну, то другую, пока не увидели, что надо еще и драйв при этом показывать.

Интересна фигура Александра Родченко, который решил создать максимально нехудожественное произведение. Взял самую безобразную зеленую заборную краску, нарисовал на этом фоне по линейке линии. Но в результате получилось красиво. Здесь опять шутки истории: несмотря на все старания Родченко, перечеркнуть и высочить из традиционного образа художника — не получилось!

Значительное место в искусстве занимает опредмеченная мечта об утопичном будущем. Особенно это заметно в СССР в период создания нового быта. То есть создаются некие объекты, которые направлены не на преобразование быта, жизни людей. Но это преобразование носит художественный характер. Появляются и сутубо вторичные произведения — например, нарисовать на черном квадрате Малевича знак долла-

ра и тем самым объяснить, что данное произведение ценится только в деньгах.

Ну или разрисовывание «Моны Лизы» Марселем Дюшаном. Что это — акт вандализма? Для современного искусства — нет. Это просто рассказ о том, что и не девочка вовсе изображена на картине великого Леонардо да Винчи, а мальчик. Или еще один известный парнишка по фамилии

к Марселю Дюшану и, следовательно, дальше, в глубь веков.

«Если убрать паричок, то получится не вполне Уорхол». Тем не менее, главным остается шокирование публики. Художник начинает играть с собственным образом. Он становится весьма существенной и принципиальной частью художественного проекта. Взять хотя бы того

Музей покупает произведение в виде баночки, на которой написано «фекалии художника». Сотрудники галереи Тэйт самым аккуратным образом вскрывают баночку, а там — гипс.

Дали вписывает себя в «Мону Лизу». Это в известной степени автошарж. И «Мона Лиза» оказалась таким сквозным мотивом искусства всего XX века. Причем некоторые арт-объекты, при всей их кажущейся простоте, имеют несколько уровней, как, например, упакованный журнал «Шпигель», на обложке которого работа Дали, которая отсылает нас

же Энди Уорхола. Был простой паренек из рабочего района, гангстеры поднимали. Мы знаем совсем другого Уорхола — в парике, ведь чего только не сделаешь ради искусства. Как бы там ни было, Уорхол — это не только картинка, но и еще паричок. Если убрать паричок, то получится не вполне Уорхол.

Именно в современном искусстве появляется, прости-

те, «кажимость» картины. Взять тот же соцреализм. Картина «Сталин и Ворошилов в Кремле». Эта картина реально существовала только в нереальном пространстве: в миллионах репродукций, отпечатанных типографским способом. И ее физическое существование сводится как раз к этому миллиону иллюстраций, растрепанному повсюду.

Происходит тиражирование образа, и механизм такой же, как и с паричком Уорхола. Такое искусство живет за счет растрепанности образа. Исходный объект не может существовать без этого миллиона копий. То же самое и с Дали. Произведением искусства становятся усы! Ну и здесь грамотная работа с масс-медиа. Хотя это тоже не всегда помогает. Например, Марсель Дюшан вообще не работал с масс-медиа, но считается гораздо «главнее» Дали. Этот прием работы художников над своим образом был в результате закреплён в современном искусстве, причем настолько, что стал удручающим.

В итоге получается, что искусство как художественная форма отмирает. И тем не менее значимым для меня и для искусства является результат в истории. ■

Текст и фотографии: Иван Козлов

Пистики, посикунчики и шанежки

Правда об уральской кухне.

За «русской кухней» закрепилось несколько стереотипов. Блины с начинкой, щи, окрошка. Икра. Это если не вдаваться в подробности. Но Россия — то все-таки не маленькая. Например, на севере едят такое, от чего у жителей южных регионов могут случиться культурный шок и проблемы с желудком. И наоборот. Урал тоже богат на блюда, способные удивить человека с равнины.

Посикунчики. Побывав в Перми, гости из других городов привозят домой не только малахитовых медведей и прочих сувенирный хлам, но и сакральное знание о традиционных пермских пирожках — посикунчиках. Маленькие жареные пирожки с начинкой из фарша привлекают в первую очередь своим интригующим названием, а уже потом — вкусом. По поводу названия еди-

ного мнения нет даже у самих пермяков — продавцы посикунчиков пишут то «посекунчики», то «посикунчики», то еще как-нибудь.

Вопреки распространенному мнению, если пожарить пельмень, получится просто жареный пельмень, а не посикунчик. Посикунчики делаются с большим количеством масла, практически во фритюре. Отсюда, кстати, самая популярная версия происхождения их названия. После первого же укуса из посикунчика, если он приготовлен правильно, начинают обильно течь масло и сок. Пирожок «сикает». Версия не самая аппетитная, но прочие (например, о том, что у такого пирожка «отсеченные» зазубренные края) вовсе не выдерживают никакой критики.

В последнее время до предпринимателей начинает доходить, что посикунчики — бренд Пермского края не хуже пельменей. И в городе появляются специальные заведения — «посикунчиковые» и «посикунчичные».

Шаньги и ватрушки. Если человек видит в пермском буфете открытый круглый пирожок с картошкой и просит у продавщицы «ватрушку» — точно приезжий. Ка-

ким уральским народам — татарам, башкирам и коми-пермякам.

С этими шаньгами вообще очень непростая история. Неоднозначно в них все — от на-

Смертельная битва: ватрушка против шаньги

кая еще ватрушка — шаньга! Только так: ватрушки бывают с творогом и повидлом, но ни в коем случае не с картофельным пюре. Большинству россиян картофельный открытый пирог вообще не ведом, так что никакой путаницы обычно не бывает. Пермский край обязан этим блюдом корен-

звания до сущности. Одни исследователи считают, что «каноническая» шаньга вообще не наполнялась начинкой, а только смазывалась сверху. Другие — что начинки, наоборот, было очень много, а вот теста совсем чуть-чуть — так мало, что даже «бортика» из теста у шаньги не было. >>

«Посикунчики» действительно должны «сикать»

На Каме, вперед!

Это непродуктивно — делить пермские бренды на исконные и имплантированные. Новодел или нет — совершенно не важно (разницы потенциалов здесь может и не быть). Важно, что в Перми все-таки существуют явления и процессы, достойные того, чтобы сказать о них отдельно, точно и глубоко. Не впадая в патристический пафос, но отдавая должное объективным пермским прорывам, интернет-газета «Соль» готова предложить российскому читателю свою оптику, чтобы тот разглядел Пермь как следует, as it is. Список феноменов велик: пермская культурная революция; «Белкомур», аутсорсинг и реформа образования; музей современного искусства, центр развития дизайна и театра «Сцена-Молот»; фестивали «Текстура», «Флаэртиана», «Пространство режиссуры» и «Живая Пермь»; оперный театр и филармония; «Музей пермских древностей», деревянная скульптура и звериный стиль; соляные шахты и аномальная Молебка. И так далее. Знакомьтесь с Пермью XXI века на сайте <http://saltt.ru>.

В некоторых заведениях общепита можно отыскать шаньги с сыром и рубленным яйцом, но это, скорее, самостоятельность поваров — кинули на кусок теста все, что было, по принципу пиццы. Гораздо более традиционный вариант — шаньги с различными кашами, но их теперь днем с огнем не сыскать даже в Перми.

Чак-чак, белеш и другая выпечка. Много из того, что мы привыкли считать чисто восточной едой, имеет к Уралу прямое отношение. Точнее говоря, к здешним татарам и башкирам. В отличие от той же шаньги, которая по-настоящему прижилась только на «родной» территории, татарская выпечка пользуется популярностью повсюду. В основном это все те же пирожки с начинкой. Беляш (правильнее — «бэлиш» или «белеш»), кстати, был изначально круглым, а не треугольным. Его брата под названием перемяч русские тюрки готовят и сейчас, чаще всего без мяса. А то, что сейчас встречается в магазинах под названием беляшей, гораздо ближе к эчпочмаку. По крайней мере, и то и другое — треугольное. Хотя эчпочмак печеный, а не жареный, да и начинка у него может быть не только мясной — часто, особенно в наше время, начинку для эчпочмака делают из мяса, смешанного с картофелем. Раньше использовали крупу.

Чак-чак — десерт из сладкого теста с медовой пропиткой — тоже с полным правом можно отнести к кухне пермских народов. Правда, в современном чак-чаке, который продается в супермаркетах, от настоящего осталось одно название. Кто хоть раз пробовал чак-чак, приготовленный дома (ну или хотя бы купил его в южных районах Прикамья), даже смотреть не станет на то, что продается в обычных магазинах.

Пельмени. Куда без пельменей. Они популярны во всей России, но только на Урале воз-

ведены в культ. Изначально они назывались пельнянями. На удмуртском наречии «пель» значило «ухо», а «нянь» — «хлеб». Любители конспирологии могут поискать какую-нибудь тонкую связь между «солеными ушами» (так иногда

той факт: ничего вкуснее пельменей не бывает. Если пермяк считает, что бывает что-то лучше пельменей, то это ненастоящий пермяк. Холодильники в любом уважающем себя пермском супермаркете до отказа забиты пельменными

ми; пельмени, томленные в горшочке; рагу из пельменей с овощами; омлет с пельменями; жаркое из пельменей и даже супы и салаты из пельменей. Одного нет: десертов из пельменей. Кстати, это недоработка.

Татарское иго свергнуто, но беляши по-прежнему правят нами

называют пермяков) и их любят называть «ушам» хлебным.

Хотя тайной связи никакой нет — все на поверхности. Надо просто принять один прос-

всех видов и подвидов. Но еще лучше это блюдо представлено в общепите: здесь подают пельмени, жаренные с сыром и разнообразными приправа-

Пикан. Пикан — это зонтичное лесное растение. Дети знают, что из него нужно делать трубочки и плевать-ся горохом. Главное не спус-

тать пикан с каким-нибудь другим борщевиком (некоторые из них ядовиты и вызывают серьезные фотохимические ожоги). К сожалению, пикан не подают в ресторанах и не поставляют в розничную сеть. За этой зеленью придется ехать в северные деревни. Когда-то пикан был одним из основных продуктов для коми-пермяков. Справочник «Дикорастущие съедобные растения Пермского края» приводит более трех десятков рецептов того, что можно сделать из пикана. Загибаем пальцы, как актриса Румянцева в фильме «Девчата»: салаты, щи, пирожки, суп-пюре, а еще — тушеный пикан, маринованный и соленый пикан, жареный пикан, котлеты и оладьи из пикана. Даже напиток из пикана. Соя отдыхает.

Пистики. Пистики — настоящий деликатес. Что может подумать человек, не знакомый с пермской кухней, когда слышит это название? Есть в этом слове что-то из области детского эротизма, что, в общем, вполне верно. Молодые побеги полевого хвоща, которые собирают в течение нескольких весенних дней, действительно похожи на...

В гастрономии они применяются почти так же широко, как пикан. Наибольшей популярностью пользуются пироги с начинкой из пистиков и вареными яйцами. А из соленых пистиков получается замечательная закуска.

Пистики — краугольный камень в отношениях пермских меньшинств. Бабушка-староверка из Верещагинского района (там рядом живут удмурты, коми-пермяки и русские старообрядцы) рассказывает: «Вот яки (что-то вроде «хохлов» по отношению к финно-угорским народам, чаще всего — удмуртам) пистики не чистят. Они их так едят — с залупками. Чего говорить: у нас соседи тоже некоторые уже не чистят. Это же долго». Да, не тот народ уже, не тот.

Паренки. Кстати, о закусках. В этом вопросе с пистиками конкурируют паренки — блюдо из корнеплодов. Корнеплоды на Урале вообще любят. Репу или морковь моют в холодной воде, очищают, максимально плотно укла-

накрыть соломой и перевернуть вверх дном (сухая трава впитывает все лишнее). В разных рецептах по-разному: кто-то избавляется от сока до отправки в печь, кто-то после, а кто-то засовывает солому вместе с паренками прямо в печь.

Пистики — это не то, о чем вы часто думали в детстве

Пиво из солом — бюджетная экзотика

дывают в широкую посудину и на несколько часов ставят в печь — томиться в собственном соку. Чтобы овощи избавились от лишней влаги и приобрели вкус и аромат, посудину могут

Вар из чаги, пиво из солом. Свои напитки, кстати, тоже есть. Чагу — гриб, который растет на стволах берез и больше напоминает какую-то древесную

болезнь — оказывается, тоже можно употреблять в пищу. Ну, то есть не жевать его, конечно. Заваривать. Процесс приготовления «лесного кофе» прост — чагу измельчают, заливают кипятком и дают настояться минут пять. На севере Пермского края в обычных кафе можно встретить вариацию этого напитка — вар. Это настой из чаги с гвоздикой и другими специями. Так что собственный безалкогольный глинтвейн на Урале тоже есть. Для тех, кто не принимает всерьез безалкогольные напитки, существует уральское пиво — сур. Делается оно из солодового теста, солом и муки по сложной технологии. По вкусу сур больше напоминает обыкновенную брагу.

Пироги с глазами и без. Пирог с начинкой из соленых грибов, гречневой каши и лука считается специфически пермским. Иногда его почему-то называют «пирогом с глазами». Неизвестно, является ли это название новоделом и вообще откуда оно взялось. Наверное, дело в грибах. И в каких-то рязанских веяниях. Известно ведь, что у них в Рязани пироги с глазами — их едят, а они глядят.

Еще среди жителей края бытует мнение, что отличительная черта пермской кухни — пироги с рыбными консервами (говоря по-пермски: «с рыбной консервой»). Но это в большей степени социальное отличие, чем территориальное. Стоит ли об этом.

Желающим прикоснуться к настоящей пермской кухне придется постараться. Большинство рецептов просты, но черт кроется в деталях. Горячая домашняя шаньга и стакан деревенского молока ни в какое сравнение не идут со склизкой столовой выпечкой и пастеризованным «Русским». Никакой завод не слепит действительно вкусных пельменей. Ну или вот залупки кто возьмется чистить? Тот же. ■

Текст: Евгений Киселев
Фотографии: И.Д. «Коммерсант»
Иллюстрация: Антон Семакин

Группа «телевизор»

По просьбе «Журнала Соль» публицист Евгений Киселев объясняет устройство современного российского телевидения, которому в 2010-м исполнилось 20 лет.

Российское телевидение возникло 20 лет назад как альтернатива официозному, насквозь коммунистическому советскому Центральному ТВ СССР. Как телевидение демократической России. Как телевидение Ельцина, который боролся за власть с Горбачевым. Как оппозиционное телевидение. Во всяком случае, как телевидение, проникнутое оппозиционным духом руководителей, и главные его герои были под стать.

Олег Попцов, который в то время был одним из главных демократически настроенных съезда народных депутатов СССР, который заявил о себе как критически мыслящий журналист демократического направления, который запомнился своими частыми выступлениями в программе «Взгляд», статьями. И вообще — работой в газете «Московские новости». Большой вопрос, насколько были глубоки у Олега Попцова эти либеральные реформаторские убеждения. Потому что я, например, с огромным изумлением прочитал впоследствии, что за десять с небольшим лет до этого (будучи одним из руководителей московского Союза писателей) Попцов имел отношение к разгрому альманаха «Метрополь». Участники альманаха, Виктор Ерофеев и покойный Василий Аксенов, вспоминали, как в те моменты, когда главный гонитель «Метрополя» Феликс Кузнецов уставал или был занят какими-то большими го-

сударственными делами, его подменял как раз Олег Попцов. Но за кем греха не водится? Все когда-то состояли в КПСС, все играли в те игры, правила которых писали в брежневское время. Как говорится, безгрешных в годы перестройки вообще не было. Но, повторяю, работали достойно и Попцов, и Анатолий Лысен-

«Я, безусловно, согласен с тем, что в 1990-е было золотое время с настоящей прессой», — лучше бы и Киселев из 1990-х не сказал

ко, который фактически руководил программой «Взгляд», и журналисты из «Взгляда», и журналисты, которые ушли из программы «Время», в том числе тогдашний зам. главного редактора программы «Время» Олег Добродеев. На Первом канале в очередной раз начался процесс закручивания гаек, и Добродеев, у которого была репутация реформаторски настроенного человека, был вынужден подать заявление об уходе по собственному желанию с поста, на который его

когда-то назначил Эдуард Сагалаев (с ним связан недолгий период оттепели).

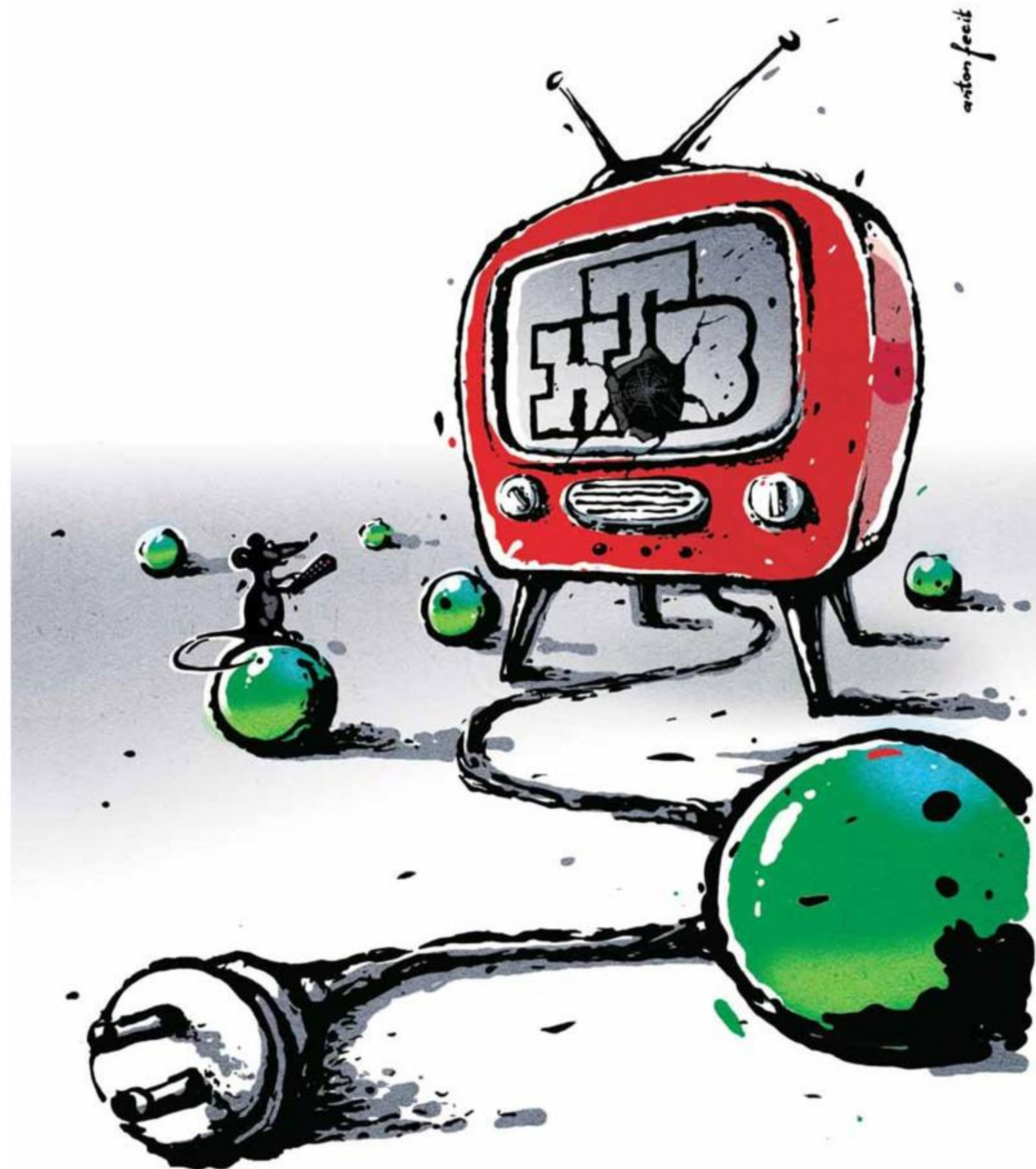
Главной информпрограммой страны был выпуск новостей на Гостелерадио СССР. Это было в разгар перестройки, гласность находилась в высшей точке, была попытка провести какие-то хотя бы косметические либеральные перемены и

в главной программе новостей Гостелерадио. Но это продолжалось неполные два года — с конца 1988-го по осень 1990-го. И как раз тогда 29-летнего молодого выпускника истфака МГУ Олега Добродеева назначили заместителем главреда программы «Время» — по тем временам это было суперсенсацией.

Программу «Вести» Добродеев создавал вместе с другими журналистами, в основном с теми, кто ушел с тогдашнего Первого канала — Гостелера-

дио СССР. Это были несколько человек: Сергей Доренко, Светлана Сорокина, я и многие другие. Совсем небольшая команда. На первых порах редакция «Вестей» не насчитывала и 20 человек, но тем не менее с помощью подручных средств, буквально на коленке собирая материал, с мая 1991 года мы стали выходить в эфир. Безусловно, это была передача, проникнутая духом оппозиционности и такой вот авторской журналистики, журналистики с мнением. Передача, в некотором смысле полемизировавшая с официозной версией, которые представляли программы Первого канала.

Это особенно касалось вечернего выпуска «Вестей», который выходил в 23:00. Мы вели его по очереди с Александром Гурновым. Люди смотрели в 21:00 программу «Время», а в 23 часа переключали. Они говорили: а теперь мы посмотрим, что произошло на самом деле — программу «Вести». Буквально на протяжении нескольких месяцев — с мая по август 1991 года мы обрели совершенно невероятную популярность. Я был поражен тем, что работа в эфире на только-только стартовавшем канале принесла чудовищную популярность мне, молодому журналисту. Уже через месяц мне не давали прохода на улице и просили автографы. Это была поразительная вещь. Но дальше произошло очень быстрое преображение и государственного телевидения, и той же самой программы «Вести». >>

Потому что в августе 1991-го провалился путч, провалилось выступление ГКЧП и практически вся реальная полнота политической власти в стране перешла в руки Ельцина.

Всем было понятно, что Горбачев — это ковбой, на которого никто не поставит. Срок его отмерен, уход его из Кремля и, возможно, распад — вопрос нескольких недель или максимум — месяцев. И соответственно второй канал — РТР — стал стремительно преобразовываться и становиться государственным телевидением. Он взял на себя все те официальные и, если угодно, пропагандистские функции, которые до того были свойственны Первому каналу, программе «Время», Центральному телевидению СССР. Но это уже происходило без меня, потому что уже осенью 1991 года мы с Добродеевым поняли, что попадаем туда, откуда мы сбежали. Мы ушли вместе с ним в конце 1990 года с первой кнопки в поисках более свободной, независимой и критической, более авторской, раскованной журналистики. Журналистики в жанре критического реализма.

Власть начала использовать телевидение как пропагандистский инструмент. Это хватательный рефлекс: если у тебя есть телевидение, его сразу нужно превращать в «информационную заточку», как говорит Добродеев.

Мы приняли предложение Егора Яковлева вернуться на Первый канал и попытаться его реформировать. Добродеев проработал в последующие два года главредом программы «Время» (она тогда перестала так называться). Была попытка сделать программу другую, программу новостей. Потом выяснилось, что время непобедимо, и название вернулось само собой.

Мы ушли на НТВ. Я начал с января 1992 года делать программу «Итоги». Поэтому все, что происходило на ВГТРК в последующие десять лет, пока работали на НТВ, — происходило без меня. Как, впрочем,

и последние десять лет. Ничего не могу сказать о том, что там внутри сейчас. Вижу только снаружи, как преобразилось старое и запущенное здание на 5-й улице Ямского Поля, как

Еще десять лет назад на московских кухнях шевелили усами тараканы, а в телевизоре — Евгений Киселев. Сегодня нет ни их, ни его

напротив него выросло новое и супермодное из стекла и бетона, как будто бы перенесенное из Парижа или Лондона. Новый деловой офис, где находятся, как мне рассказали, все руководящие службы, кабинеты всех начальников. Что тоже характерно: построили новое здание, в которое вселились не журналисты, а начальники.

Поразительным образом случилось второе пришествие Олега Добродеева. Сначала он проработал на первом ВГТРК неполный год и сумел поста-

зрения идеологической, делает журналистику. Она является инструментом пропаганды значительно более умной, тонкой, эффективной, чем это было в советские времена, но тут пропагандистский эффект достигается не в лоб, а исподволь. Чуть ли не с помощью приемов нейролингвистического программирования.

Я, безусловно, согласен с тем, что в 1990-е было золотое время с настоящей прессой, такой, какой она должна быть, поскольку неслучайно все чаще и

нечно, смотрели, потому что показывали и футбол, и хоккей, и «Место встречи изменить нельзя». Периодически включали программу «Время», чтобы понять, что происходит в стране и мире, но это, скорее, было смотрение с целью чего-то не пропустить — узнать, не умер ли Брежнев, как сыграл киевский «Спартак» и кого выбрали новым президентом США. А все усилия пропагандистов, которые пытались зрителя с помощью информационного вещания заставить во что-то верить, в чем-то убедить. Это было самообманом.

При всей изощренности и технической оснащенности, при всем интеллектуальном потенциале людей, которые сегодня взяли добровольно на себя роль кремлевских агитаторов и пропагандистов — все равно рано или поздно это встанет большинству нормальных людей поперек горла, и они скажут: это все обман. И тогда люди, которые строили всю эту систему засучив рукава, так же засучив рукава начнут ее и демонтировать. Потому что у нас в стране все так делается.

Среди тех, кто начал когда-то двигать вперед гласность, были люди, незаслуженно отодвинутые в тень, отстраненные от руководства газет, журналов. Тот же самый Егор Яковлев, который пострадал за то, что, будучи молодым главным редактором журнала «Журналист», имел неосторожность опубликовать там какие-то материалы, которые рассказывали, что происходит в действительности в этой стране, какие реформы пытаются проводить.

Не все, но многие из тех, кто уже который год закручивает гайки, устанавливает драконовские порядки в СМИ, причащает журналистов к жесткой самоцензуре... Эти же самые люди могут начать обратный процесс и даже возглавить его.

И я не удивлюсь, если Добродеев, который сегодня считается верным путинцем, через 20 лет будут чествовать как либерала и реформатора. ■

Люди смотрели в 21:00 программу «Время», а в 23 часа переключали. Они говорили: а теперь мы посмотрим, что произошло на самом деле — программу «Вести».

вить на ноги вот такую свободомыслящую оппозиционную или, скажем так, критически настроенную программу авторской новостной журналистики, какими «Вести» были в самом начале пути. А потом он вернулся туда через 10 лет. Он являет собой пример слов Бис-

чаще слышишь от мыслящих людей — «Я телевизор не смотрю». Вот точно так же в 1980-е люди говорили про телевидение позднего брежневского застойного времени. Говорили с неким вызовом и эпатажем. Не объясняя, почему — всем было ясно. На самом деле, ко-

Поселок таунхаусов «Курья 1» находится в микрорайоне Верхняя Курья, в 10 минутах от центра города, вдали от шумных трасс, в окружении 6-ти гектаров соснового леса, и в 200 метрах от реки Кама.

Квартиры в поселке «Курья 1» — это сочетание комфорта городской квартиры и уюта частного дома.

Территория поселка огорожена и освещена.
- Круглосуточная охрана, видеонаблюдение
- Гараж на 2 машины + гостевая парковка
- Центральные коммуникации
- Панорамное остекление
- Высота потолков до 3,5 м
- Земельный участок.

КВАРТИРЫ ПЛОЩАДЬЮ 206, 182 И 146 КВ. М. НА ТЕРРИТОРИИ ПОСЕЛКА ПРЕДУСМОТРЕНЫ МИНИМАРКЕТ, СПОРТЗАЛ, КАФЕ, ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

*Твое время,
твое место,
твой выбор*

ПРЕСТИЖНЫЕ ТАУНХАУСЫ

КУРЬЯ 1

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:

2-413-555, 2-932-430, 203-7-204

WWW.K1.PERM.RU

Фотографии: Ольга Сорокина
Текст: Любовь Мухоменко

Транс, транс, транс

По Транссибирской магистрали, прошившей Россию насквозь, движется поезд № 350: Москва — Благовещенск. В нем томится фотокорреспондент «Журнала Соль» Ольга Сорокина. Пять дней, шесть с половиной тысяч километров, десятки городов, сотни полустанков: такая большая страна, такой ритмичный стук колес, такая медленная грустная песня. Вот затянули «Ро-о-о» в Москве — подхватили в Екатеринбурге «сси-и-и» — и, наконец, выдохнули «и-и-и-я» в Благовещенске: приехали.

Классический отечественный поезд — грязно-зеленого цвета. Но РЖД, видимо, тяготится советским прошлым и перекрашивает поезда в нарядные лазурные, красные и желтые

Тюменская область. Станция Мангут, тезка монгольского племени. Станция маленькая, без особых примет. Хотя в 2005 году, например, Мангут участвовала в конкурсе эталонных станций РЖД. Уральские лесистые пейзажи после Мангута постепенно переходят в сибирские, с более выраженным степным ландшафтом

Новосибирск — город на Оби. Самая Сибирь

На подъезде к Красноярску — смешная станция Козулька. «Где сейчас стоит Козулька, росли березовые рощи, глухие осинники да редкие листвяги», — говорят старожилы, которые помнят, что здесь было до Транссиба

Горы все ближе, и ноги уже сами тянутся в их сторону

Уже на подъезде к Иркутску в вагон проникает запах копченого омуля. На полустанках топчутся торговки, обвешанные золотистыми рыбными гирляндами. Сразу вспоминаешь, что от Иркутска недалеко до Байкала

Пока поезд объезжает Байкал (то есть около часа), пассажиры не отлипают от окон и разговаривают строго об озерной мифологии. Буряты, оказывается, верят, что у Байкала нет дна — поскольку корневая его система связана со всеми океанами, морями, реками на свете. А в глубинах озера вроде бы стоит серебряный дворец Вершителя судеб, который определяет, в каком теле душа умершего вернется на землю снова

Столица Бурятии Улан-Удэ — в переводе с местного «Красный полдень»

На стене вокзала станции Петровский завод мозаикой выложен групповой портрет декабристов и их жен, а фасад вокзала украшен барельефами

Забайкальский погост

Проезжая мимо Сковородино, беспокойная пассажирка тетя Люда, захлебываясь от возмущения, вопит: «Фоткай! Фоткай! Фоткай! Фоткай!» Оказывается, это потому, что леса в Амурской области безжалостно вырубают («Видите вон те залысины на склонах? А раньше там все был лес!») и отправляют в Китай, где «изготавливают зубочистки, которые потом продаются России»

Приехали. Свернуть матрасы

Текст: Андрей Левкин
Иллюстрация: Андрей Носков

Карабас Барабас действует

Рассказ Андрея Левкина.

Эта история началась с того, что директор по развитию издания «Соль» И. Давыдов предложил мне дать кусок худла (художественной литературы, я ее по жизни пишу) для публикации в издании. Он — резонно — предположил, что у меня должен сейчас быть какой-нибудь роман, который я дописываю. Все так, хоть и не роман, но пока он очень недоделан. Кусок выбрать вроде можно, придется его доправить, а тогда — уже надо выставить стилистику и есть риск, что она будет не та, что нужна для всего текста. Обратно ее уже не раскурочишь, что же — выкидывать тогда? Да и трудно выбрать кусок, я же обычно несвязный и всегда бессюжетный. Но, конечно, выход есть. Я предложил написать что-либо иное, предпочтительно — об ужасах. Ужасы, тайны, то, что смутно нависает тут над всеми нами. На три-четыре страницы, больше и не надо, потому что главное — чтобы нависало, а уж с этим пусть все обращаются как смогут. Вот такое сделать можно в любое время, потому что с ужасами и тайнами проблем не бывает: они всегда рядом. Не бывает так, чтобы в окрестностях их не было. При чем ужас и тайна — всегда история.

Первая идея была чисто политической (поскольку «Соль», всякое такое плюс общая ситуация). Ситуация же тогда состояла в том, что в городе Москве, столице Российской Федерации, совершенно от-

сутствовал мэр (дело было в ночь с воскресенья на понедельник, в первой декаде октября). Само по себе это не так вроде и ужасно, но если представить: ночная Москва, раскинувшаяся черт знает на сколько квадратных километров, сияющая жутким количеством электричества оптом и в розницу под крыльями всех к ней подлетающих, и у всего этого нет единого руководства. Как же не странно?

Я же говорю: щель, ротик, каши просит. На другом конце образного коромысла — «чего ты варежку открыл». Объяснение поехало по кругу. Какой орган — как в случае с варежкой — могут замещать тапочки?

Любое лицо, принадлежащее к русской культуре, в таких обстоятельствах должно вспомнить историю про то, как однажды в Испании не оказалось короля. Это, как все должны помнить, довело лицо, ощутившее это зияние, до полного умопомешательства и имело следствием окончательную утрату жизненных ориентиров. «В Испании есть король. Он отыскался. Этот король я», — сказало первое лицо той истории, желая закрыть собой эту амбразуру. Не в том дело, что все закончилось пло-

хо, — таким действием могло бы гордиться любое МЧС. Дело в том, что не может быть такого, что в Испании нет короля, а в Москве — мэра.

Мне ума лишиться по схожему поводу не захотелось, значит — надо придумать другой выход. Например, возможна тема Тайного имама. Для Москвы это, пожалуй, перебор, но вариант Тайного мэра возможен вполне. Кто ж знает, как все устроено на свете и кто

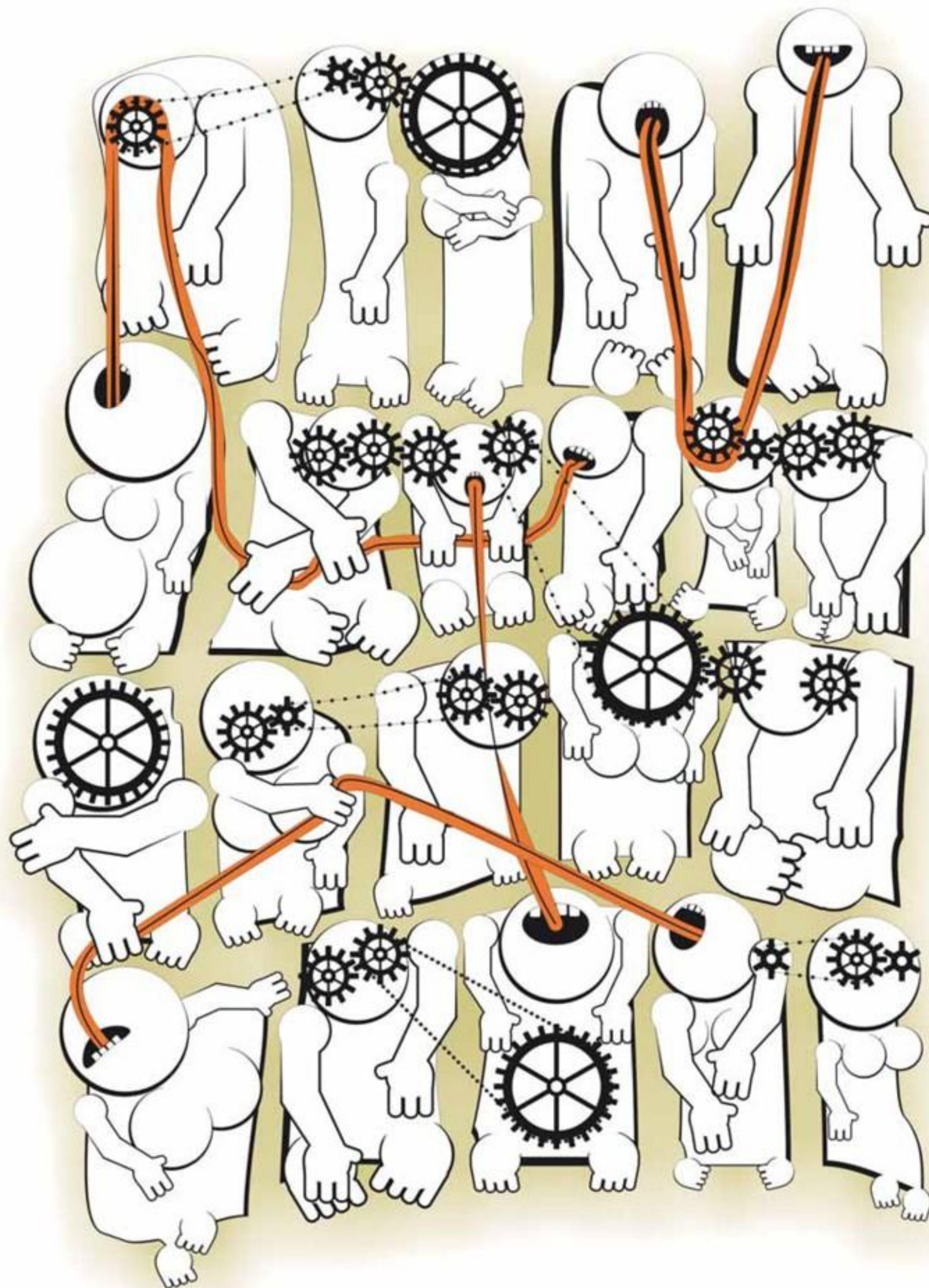
в действительности стягивает всё и вся в единое целое под названием столица РФ? Почему бы, — подумал я, — таким Тайным мэром не оказаться Виктору Милитареву? Впервые, он в теме. Во вторых, почти всегда ходит в кепке. В третьих, — почему бы и не он?

Да, но тогда другая проблема: можно сочинить что-то про деятельность Тайного мэра Москвы, но будет это что-то всего лишь сочинением. Кому нужны сочинения, не подкрепленные подробной реальностью? А откуда реально знать

о том, про что сейчас думает и что решает Тайный мэр Виктор Милитарев?

Кроме того, не Москва тут главное, главное — чтобы возникло что-то угрожающее и непознаваемое. Но оно, слава Богу, всегда рядом. В этот момент я механически листал ЖЖ, еще более машинально проглядывая то, что там пишут. И вот, в сообщении на вполне отвлеченную тему (историческую), в рамках возникшего там диспута было употреблено выражение «не смешите мои тапочки». Конечно, в дискуссиях употребляется много выражений разной степени диалектичности. Но вот именно это мне как-то давно уже обрыдло, а отрицательные эмоции — прямой путь к прогрессу, и не только личному, а и социальному.

В этой связи сам я написал в ЖЖ следующее: «Обнаружив в ленте словосочетание «не смешите мои тапочки» (ну, оно частое), я начал думать: что есть происхождение, то есть — джинизис — данного словосочетания? Я даже задал вопрос автору соответствующего мессиджа, но ответа не получил, в смысле — джинизис сообщен не был. Откуда вопрос: что могло бы являться таковым джинизисом? Может, это какой-то кривой перевод чего-нибудь, как в случае «не в своей тарелке»? Или цитата из некоего фильма, типа гадости — заливной рыбы, которая имела там свое ситуационное обоснование, при цитировании утрачиваемое? >>

Или же ритмическая последовательность гласных и согласных словосочетания производит некий мантроподобный эффект, уместный для ответа? Ну, это как на Украине главным «оранжевым» был когда-то выбран Ю-щен-ко, потому что его скандировать удобнее, чем Ти-мо-шен-ко, да и энергичней выходит. Некий, наконец, локально распространенный мем, вышедший затем за пределы ареала своего джинизиса? Из какого-нибудь казуса? Есть ли версии? Потому что загадка же: почему тапочки, и чего о них так все время думать, да еще на тему их потенциального смеха (да, смех тапочек — это нечто потенциально угрожающее, как вой собаки Баскервильей?).

Ответы последовали. «А почему «щас, шнурки поглажу!»?» — выставила контрпример Н. Ц. «Ну, тут все же не происходит очеловечивания шнурков! И даже есть определенная рациональность отвергаемого действия!» — ответил я.

«Слышал очень давно, в детстве еще, вариант «не смеши мои ботинки» (ритмически бодрый хорей). Очень подозреваю идишизм, но обосновать не могу», — сообщил Р. Л. На это С. С. отреагировал так: «Думаешь, тапки — нечто такое местечковое по духу? Скабрезное, как старики у Ильфа? Тапки, вообще, в народной фразеологии весьма популярны.

«Не ссы в тапки», — в нашем дворе орут дети. В смысле, не дрейфь». Р. Л. добавил: «Нет, я думаю, там был какой-то идишский фразеологизм, который мог по-разному переводиться. Независимо от местечковости, вариация «тапки / ботинки» наводит на такую мысль (исходник содержал упоминание какой-то обуви)». С. С.: «Как вариант, конечно.

Вот популярное «добавлю свои пять копеек». Человек, который сейчас произведет даже взвешенное и логичное суждение по вменяемому поводу, уже сделал себя кривлякой, который не может сказать прямо то, что хочет сказать, но — оккупирован недотыкомкой, заставляющим его промямлить про эти денежки.

Я тебя понял, просто шутил. Прости. А вообще, мое объяснение сугубо графическое. Сметки ниже». На что Р. Л. признал: «Да-да, я торопился, потом поглядел. Мне кажется, Инна права. И Филин, соответственно».

Про графическое объяснение понижее, а пока версии И. Б. и Филина (А. А.). И. Б.: «Мо-

жет, идея в том, что собеседник пал так низко... ниже некуда». Тут я не так, чтобы возразил, но уточнил: «С этим связан и другой вопрос: на тему ниже плинтуса. Тут, конечно, все проще, но — опять же — выдает некоторое самоощущение от вечающего: в случае с тапочками он — из всех возможных вариантов — думает о тапочках, а в случае плинтуса может

что это одна из многочисленных конструкций типа «купите на базаре селедку и морочьте голову ей [а не мне]» — «ваши слова настолько нелепы, что смешно не то, что мне, но и куда более примитивным существам». Оно бы да, но селедка все-таки существо, пусть и бывшее. А тапочки? Да и вопрос в том, почему именно тапочки выставляются в ответ собеседнику?

Как бы графическое объяснение С. С. началось так: «У старых, хорошо поношенных тапок, как и ботинок, появляется ротик. В смысле, есть просия. При желании заставить этот ротик улыбнуться — не так уж и сложно». Меня это не устроило, пусть даже тут косвенно нарисован социальный слой, который мог бы произвести данную идиому (у представителей этого слоя ботинки часто «с ротиком»). Я возразил: «Да, этот вариант очевиден, но такой тип тапочек вообще не покрывает их полностью». С. С. уточнил, несколько расширив тему: «Между тем, к роту, щели т. е., склоняет и вполне у нас тут ходовое выражение «смешить пизду». Не надо смешить... и т. д.». Я снова возразил: «Пизда — часть человека! и даже больше. А тапочки почему?!» Ответ: «Ну, как же, я же говорю: щель, ротик, каши просит и т. д. На другом конце образного коромысла — «чего ты варежку свою открыл».

Объяснение поехало по кругу. Какой орган — как в случае с варежкой — могут замещать тапочки?

Было и ровно на тему замещения. Ю. П.: «... слышала версию — не смеши мои носки, а то пяткам щекоотно». «О, в этом уже присутствует психофизиологический смысл», — признал я и получил от Ю. П. дополнение: «Да, такая бытовая попытка (зачем-то) опосредовать/оправдать свои реакции — мол, это не просто я смеюсь, а смешно моим тапочкам/носам, и вот поэтому. Что-то вроде «догони-ка сперва моего меньшого брата». Но тут опять тема избыточной субъектности тапочек — какой, собственно, они младший брат, что я и выразил публично: «Хм, выражение про смех тапочек вовсе не предполагает смех человека, производящего данную фразу». Ответ: «Так тем более — подчеркивается, что нечто настолько мелко (глупо, невозможно и т. п.), что недостойно реакции самого человека, а достойно только смеха-насмешки-презрения, причем даже не его личного, а его низшей части — пяток, носков, тапочек. Типа «даже мои слуги понимают, что вы говорите ерунду». Ну, может, и так.

И, наконец, Т. Щ.: «Моя версия такова: виртуальная реальность придает себе черты бытовой: «не бросайте в меня тапком», «чтоб два раза не вставать», т. е. тело, жесты, тапочки как доказательство бытия юзера, причем домашнего бытия, не какого-нибудь офисного».

Здесь напомним, что цель данного сочинения в том, чтобы в тексте небольшой длины произвести тягостное ощущение, породив в читателе чувство угнетенности и по возможности ужаса. Теперь для этого в наличии имеется все. Осталось лишь свести все вместе, тем более что Т. Щ. для этого сделала многое. Ее версия на тему бытового доказательства бытия через предметы быта чрезвычайно тут уместна.

Да, в ходе этой небольшой, но квалифицированной дискуссии (ручаюсь — ее участни-

ки сами выражение про тапочки не употребляют) искомым джинизис так и не прояснился. Но, тем более, о нем не имеют понятия употребляющие его массы. Причем они употребляют его для того, чтобы отмаркировать им свои ощущения и движения своей бессмертной души. Но какое же тут доказательство бытия, пусть и домашнего, когда юзер действует ровно наоборот: отвергая собственное (пусть бытовое) существование в пользу шаблона? Это же и есть конкретный ужас и уже даже, пожалуй, ужас-ужас. Все бытовое бытие такого юзера (его собственной жизни) неразимо для него только через заимствованные словосочетания, означающие для него х. з. что. Формы выражения вселяются в него чисто как бесы небольшого размера.

Или другие упомянутые обзоры. «Ниже плинтуса». Что такое ниже плинтуса и откуда оно взялось? Ей же ей, должен быть тайный изготовитель этих словосочетаний, который — их распространяя — заставляет людей ощущать ровно так, как им предложено говорить. Это же тут театр Карабаса Барабаса, тайного Карабаса Барабаса, который так уже незаметно овладел населением! Или «чтобы два раза не вставать», упомянутое Т. Щ., — в любой ситуации фраза легко заменяется простыми словами «И еще», — да как угодно иначе. Нет, почему-то им требуется маленькое детское представление. Ну ладно — тут оно хотя бы имеет отношение к Историческому Прошлому (эта фраза из анекдота про Брежнева, хотя кто из них помнит).

Но — популярное «добавлю свои пять копеек». Человек, который сейчас произведет даже взвешенное и логичное суждение по вменяемому поводу, уже сделал себя кривлякой, который не может сказать прямо то, что хочет сказать, но — оккупирован недотыкомкой, заставляющим его промямлить про эти денежки: делая его чисто Буратино.

Тайный Карабас Барабас действует. Ужас-ужас-ужас. ■

Открыта годовая подписка на «Журнал Соль»

Начиная с любого месяца вы можете оформить подписку на «Журнал Соль» непосредственно в редакции.

Качественно — гарантированная доставка изданий (почтовая / курьерская* по вашему выбору) под контролем редакции;

Выгодно — специальные цены при оплате подписки через редакцию;

Удобно — предоставление полного пакета бухгалтерской документации для юридических лиц, консультации персонального менеджера по вопросам обслуживания подписки.

Подробности вы можете узнать ежедневно с 9:00 до 17:00 (мск) по телефону:
+7 (342) 237-02-00

Андрей Левкин

Рига — Москва

Писатель, главный редактор «Полит.Ру»

Андрей Викторович Левкин — прозаик, лауреат премии Андрея Белого (2001), автор книг, среди которых — «Междущарствие», «Голем. Русская версия», «Цыганский роман», «Мозгва», «Марпл». Многими критиками порицаем за излишнюю сложность текстов. Регулярно упоминается в числе «отцов-основателей русского интернета». В конце девяностых, на пике славы сайта «Полит.Ру» был одним из его руководителей. Сейчас снова руководит «Полит.Ру». В промежутке создал массу разнообразных интернет-проектов общественно-политической направленности. Колумнист интернет-газеты «Соль».

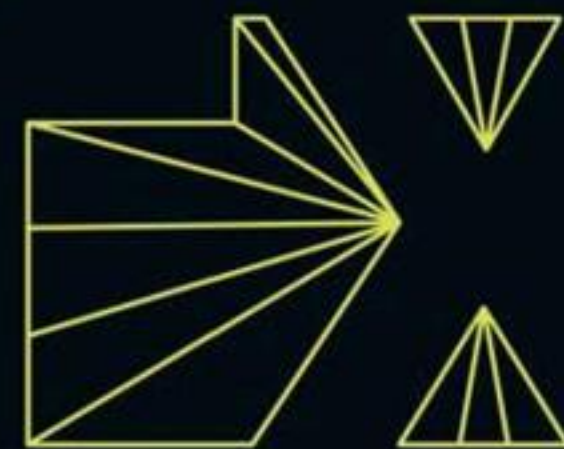
Ты, конечно, спросишь: «В чем соль?»
Соль, конкретно, в самой газете.
Вс. Емелин

SALTT.RU

Соль

РЕКЛАМА

ГОРНЫЙ//
ХРУСТАЛЬ

concert and club

Открытие в ноябре!

2 115 888

ул. Уральская, 85
2-й этаж.

www.gh-club.ru
reklama@gh-club.ru

BOOM RANG

PERM BIENNALE
OF PAPERWORKS

16 НОЯБРЯ — 17 ДЕКАБРЯ

PERM

МУЗЕЙ
СОВРЕМЕННОГО
ИСКУССТВА